

Владимир Гурвич

Воспитание элиты

Действующие лица

1. **Вадим Владиславович Батури**н, психолог, автор книги: «Формирование элиты» 35 лет.

2. **Екатерина Валерьевна Батурина** , жена, тоже психолог, 34 года.

3. **Шувалов Андрей Павлович** , один из самых богатых людей России, инициатор проекта по воспитанию элиты, 75 лет.

4. **Шувалов Борис Андреевич** , его сын, 20 лет.

5. **Олег Подгузов** , наследник богатого состояния, уже сам занимается бизнесом, 24 года.

6. **Абрам Фридман**, сын крупного банкира, 21 год.

7. **Павел Теплухин** , представитель провинциального бизнеса, учится в Москве, 20 лет.

8. **Владимир Саламатов** , несмотря на молодость, уже активно занимается бизнесом в компании отца, 23 года.

9. **Андрей Муров**, попал под влиянием левых, мечтает отказаться от богатства, считает деньги преступлением, грязью, которые загрязняют

мир, хочет все состояние, когда оно ему достанется, отдать на благотворительность, 19 лет.

10. **Георгий Каламанов**, все детство провел в Англии, плохо говорит по-русски, с интересом знакомится с русской действительностью, имеет обо всем европейские представления — 22 года.

12. **Александр Галушка**, бизнес его отца понес большие потери, но это скрывается, поправить дела — выгодно жениться. Эту цель ставит перед ним отец — 22 года.

13. **Алеся Игумнова**, молодая, восторженная, любительница поэзии, мечтает об идеальной любви, 19 лет.

14. **Ксения Юдаева**, мужской характер, мечтает стать известным бизнесменом, готова для этого на все. 21 год.

15. **Сергей Валентинович Тенишев**, помощник Шувалова, 40 лет.

Часть первая

1

Батулин сидел в сквере и курил. Эта привычка вернулась к нему недавно, он был уже стопроцентно уверен, что покончил с ней навсегда. Это далось нелегко, пришлось проявить и волю и упорство, пойти на определенные жертвы, зато

результат стоил того. Во-первых, не так уж и мало экономишь на сигаретах, во-вторых, сохраняешь здоровье, в-третьих, гораздо лучше благоухаешь. Последнее он понял почти сразу, как бросил дымить. Его тогда поразила эта мысль: как же отвратительно пахнет курильщик. А когда он им был, этого не замечал.

Но вот месяц назад Вадим закурил снова. Произошло это почти незаметно для него, хотя быть может это и лукавство. Ему просто понадобилось средство для успокоения и переключения мыслей и настроения. Уж больно много негатива стало скапливаться в его жизни.

Хотя он знал, что смог бы его как-то выдержать, преодолеть, если бы ни Катя. С какого-то момента она стала обильно генерировать и обрушивать его на мужа. Сначала он даже не понял, что происходит, отчего столь стремительно портятся их отношения; они ведь и раньше жили не просто, никогда не шиковали, а временами, можно сказать, и бедствовали. С самого начала их супружества у них мало что получалось; вроде бы и усилий прикладывали много, а вот должной финансовой отдачи они не давали.

Многие сокурсники, коллеги Батурина добивались успеха, преуспевали, ездили на роскошных машинах, приобретали зарубежную недвижимость, а вот они едва сводили концы с

концами. И почему так обстояли дела, непонятно. Даже тогда, когда вроде бы ему сопутствовала удача, когда получали признания его работы, все равно это не приносило настоящих денег. Только на самое необходимое.

И не удивительно, что Катя стала терять присутствие духа, проявлять все больше нетерпения и раздражения, предъявлять ему все чаще претензии, обоснованные и не обоснованные. Особенно сильно доминировала одна тема: ей уже тридцать два, а они до сих пор не могут позволить себе завести ребенка. Еще пару лет — и уже с этой надеждой можно будет распрощаться.

Батурин прекрасно понимал ее страхи, ведь они, хотя и в несколько ином виде были и у него. Он неоднократно предлагал жене плюнуть на все неблагоприятные обстоятельства — и родить ребенка. Но она никак не отваживалась на такой вариант.

Катя провела детство и юность в очень обеспеченной семье. И сильно надеялось на то, что все и дальше будет так продолжаться в браке. Но он, Батурин, явно не оправдал ее ожидания, а надеяться больше было не на кого. К несчастью, ее отца, довольно крупного бизнесмена постигло разорение, а вскоре он ушел и из жизни. В итоге его дочь очутилась в реальности, к которой была психологически не подготовлена, хотя, как и он, по

профессии тоже психолог. Но одно дело быть психологом для других и другое дело — для самого себя. Как оказалось, это две большие разницы.

Батурин поймал себя на том, что ему не хочется возвращаться домой. Опять начнется привычная свистопляска: упреки, обвинения, стенания. Правда, он вновь вынужден признать, что поводы для этого вполне обоснованные — денег действительно в доме почти не осталось. Все их более чем скромные сбережения ушли на издание его книги. Он безмерно благодарен Кати за то, что согласилась пойти на этот рискованный шаг. Он так надеялся, что его труд принесет ему успех, известность, а значит и хороший материальный доход. Но с момента выхода монографии прошло свыше двух месяцев, а кроме нескольких малозначимых отзывов ничего так и не появилось. А уж про деньги и говорить нечего, их лишь затянула издательская воронка, а вот обратного потока так и не возникло. И он вынужден констатировать, что с каждым днем шансов на него все меньше.

Первую сигарету он выкурил уже минут пять назад, теперь потянулся за второй. В последнее время мысль о разводе все чаще забегала в его голову; есть ли смысл тянуть и дальше эту совместную лямку, все настойчивей задавался он вопросом. И не сомневался, что сходные идеи

возникали и у жены. Правда, пока они еще ни разу не поднимали эту тему вслух, каждый до поры до времени носил ее в себе. Но однажды она прорвется, словно гной из раны. И тогда придется уже решать, как им поступить.

Он предвидит, что при любом раскладе это будет тяжелым процессом. Все же они поженились по большой любви, вместе учились, работали, почти не разлучались. И ему даже трудно представить, что с какого-то момента начнут жить врозь. Хотя он прекрасно осознает, что некомфортно и непривычно это будет только по началу, а потом втянется в новый быт и начнет жалеть об утерянном все меньше. Ведь будут же и приобретения. В жизни всегда рано или поздно выстраивается некий баланс. Другое дело, что очень многие не умеют им пользоваться, вечно их куда-то бесконтрольно несет. Но в этом и заключается суть процесса управления жизнью. Когда-то он даже пытался преподавать такой курс, и он имел определенный успех. Но затем его захватила другая тема — и он все забросил ради нее. И, как ни странно, не жалеет, хотя с точки зрения личного успеха она скорей принесла ему одни разочарования. Но он с самого начала подсознательно ощущал, что идет на жертву. И если покопаться поглубже в себе, это его больше всего и привлекало, так как делало все начинание

значительней. А он, чего греха таить, всегда к этому стремился. Еще в детстве за собою такое замечал. Правда, до сих пор так и не решил, чего больше в этом — плохого или хорошего? Все зависит от чистоты намерений и обстоятельств. А они, как погода, постоянно меняются.

Батурин посмотрел на часы. Пора отправляться домой. Катя должна уже приготовить ужин. Раньше бы она непременно сообщила ему об этом по телефону, но сейчас у них не такие отношения; общаются они немного. Бедность и неудачи — ужасные вещи, способные до основания разрушить самую крепкую связь. Хотя с другой стороны, если ее способны поколебать испытания, значит, на самом деле она не столь уж прочна. Легко, когда все хорошо, подчас даже не надо прилагать никаких усилий. А вот когда плохо...

В самом деле, что делать, когда плохо? Пытаться что-то наладить или наоборот, довести все до логического финала? Этот вопрос с некоторых пор он задавал себе часто, но пока никак не мог найти на него ответа. Что-то мешает ему перерезать оставшиеся нити, связывающие его с женой. Может, это всего лишь привычка, а может и что-то другое. Иногда даже профессиональному психологу, кандидату наук трудно докопаться до истины. Она всегда где-то рядом, но от этого не становится ближе.

Когда он впервые это понял, его даже постигло небольшое потрясение. Выходит, он никогда не сможет быть полностью уверенным, что отыскал истину. В этом заключении таилось нечто неприятное, раздасадывающие, обескураживающие. Ведь так хотелось докопаться до настоящей сути, а не кормиться ее эрзацами.

Впрочем, подобные чувства в целом остались в прошлом, он давно пересмотрел многие свои представления, привел их в соответствии с реальностью. О чем нисколько не жалеет. Все равно не оставалось никакого выбора, если он хочет двигаться дальше. Катя его и в этом тогда поддержала, за что он ей благодарен до сих пор. Вот только одна завыка: прошлой благодарностью невозможно решить сегодняшние проблемы. Все давно обстоит по-другому. И надо искать новые решения. А это часто очень не просто.

2

Раньше они с женой почти непрерывно говорили, паузы в беседе воспринимались как что-то неестественное, их следовало как можно быстрее снова заполнить словами. Они обсуждали едва ли не все темы, которые существовали на свете, иногда ожесточенно спорили, зато потом так было приятно мириться в постели. Страсть просто

клокотала в них, как горячие источники, и если в течение какого-то времени не возникали дискуссии, им становилось скучно. Но с некоторых пор все изменилось, сейчас они сидели на кухне за столом и молча поглощали ужин. Батурин смотрел периодически на Катю и ощущал, что она его почти не волнует, как женщина. Хотя она ничуть не изменилась, все такая же красавица, ну даже если не красавица, то весьма привлекательная дама. Такая ситуация ему сильно не нравилась, ослабление либидо по отношению к жене более чем любой другой аспект свидетельствует о распаде отношений. Именно с этого обычно, словно река из истока, берет начало равнодушие друг к другу.

— Что ты сегодня целый день делал? — вдруг спросила Катя.

Батурин даже вздрогнул от неожиданности, услышав ее голос. Он уже стал привыкать к молчанию между ними.

— Ходил в институт психологии.

— Зачем?

— Хотел вернуться туда на работу.

— И?

— Увы, мой бывший начальник мог лишь мне посочувствовать, у них большие сокращения. У государства не хватает денег на финансирование психологических исследований. Предложил вернуться к разговору через год, когда будут

утверждаться новое штатное расписание — вдруг что-то изменится.

— А ведь я тебе говорила: не увольняйся, возьми отпуск за свой счет для своей работы. Твой бывший начальник не стал бы возражать, он всегда тебя поддерживал. Разве не так?

— Так, — вынужден был констатировать Батурич. Он уволился из института, потому что был уверен в успехе своего труда.

— Что намерен делать дальше?

— Попробую поискать работу в коммерческих структурах. Там тоже нужны психологи.

— Не смейся, — фыркнула от возмущения Катя. — Ты и бизнес несовместимы. Они заставят тебя решать мелкие прикладные задачки, которые тебе абсолютно неинтересны. Не пройдет и месяца, как ты пошлешь их к черту.

— Возможно, ты права, — согласился Батурич. Он не мог не признать правоту жены. Все же она его хорошо изучила. Что, впрочем, не удивительно, ведь тоже психолог.

— В таком случае, каковы твои планы, чем собираешься зарабатывать на жизнь. Согласись, дорогой, вопрос с каждым днем становится все актуальней. Деньги тают, как мороженое на солнце. Прости за банальность сравнения, но оно наглядно отражает ситуацию. А женатый мужчина должен кормить жену.

Должен, с тоской подумал Батурин. Она очень помогла ему с написанием книги, проделала большой объем черновой работы, вместе они обсуждали многие концепции. Не всегда соглашались, но это скорей помогало, чем мешало продвигаться в работе. Встретить хорошего оппонента для ученого всегда большая удача, а Катя им без сомнения была.

— Я что-нибудь найду, — пообещал он. — Можно, к примеру, временно пойти в курьеры. Я знаю, их много требуется. Платят более чем скромно, но это все же лучше, чем ничего.

— В курьеры! — изумилась Катя. Она задумалась, затем немного странно засмеялась. — А неплохая мысль, попробуй найти место курьера. Мне будет интересно посмотреть тебя в этой роли. Это даже в каком-то смысле сексуально.

— В чем же тут сексуальность? — не понял Батурин.

Жена посмотрела на него, хотела что-то сказать, но вместо этого махнула рукой.

— Не важно, прими это как данность. Я еще ни разу не занималась сексом с курьером.

— А с космонавтом занималась?

— Тоже нет, но космонавт несколько не возбуждает. Давай-ка побыстрей устраивайся — и займемся сексом.

— А просто заняться сексом, как муж и жена,

мы уже не можем?

— Теоретически можем, но это не так интересно. Подожду, когда тебя примут в курьеры. А пока вместо секса займусь мытьем посуды, а ты посмотри в Интернете нужные вакансии. И завтра начинай поиск.

3

Батурин был уверен, что устроится курьером сходу. Предложений просто тьма. Но он уже несколько дней ходил на собеседование, получал либо отказ, либо обещание, что ему скоро перезвонят. Но почти никто его не выполнял, а пару телефонных звонков, которые все же добрались до его телефона, не принесли ему ничего хорошего.

В какой-то момент Батурин даже запаниковал, деньги в семье стремительно таяли, а новые поступления не предвиделись. Катя, когда он приходил домой по вечерам, встречала его молчанием, даже не расспрашивала, как идут его поиски, ей было все понятно и без слов.

После ужина она обычно уходила спать, он же задерживался у компьютера. Будучи ярко выраженной совой, эти ночные часы были лучшими для работы. Большую часть своей последней книги он написал как раз в это время.

Но сейчас работать не было желания, хотя в

голове активно ворочался новый замысел. Но Батурин не позволял ему вырваться наружу; никакого смысла начинать новый труд он не видел. За свой счет им его уже не издать по причине отсутствия средств, а издательство за собственные средства этого делать не станет. Вот если бы последний книге сопутствовал успех, в этом случае можно было бы надеяться на такой вариант. Поэтому Батурин ограничивался лишь поиском свежих курьерских вакансий.

Можно было бы попытаться попробовать найти себе другое применение, но работа курьера привлекала его тем, что она не требовала постоянного нахождения в офисе, давала хотя бы иллюзию некоторой свободы. Ездишь по городу, а во время переездов читаешь книги. А это немалый плюс, которого лишен, если проводишь рабочий день в помещении. Да и вообще, в поездках время летит быстрее, особенно, если это время, отданное бессмысленности. Пусть уж оно проходит как можно скорей и незаметней.

Лишь на четвертый день поисков Батурину повезло, ему приняли на работу. Правда, зарплату там была меньше, чем в других местах, а сама контора располагалась на другом конце Москвы, добираться до которой предстояло не меньше двух часов. Для Батурина, любившего поздно ложиться и поздно вставать, ранний подъем представлялся

карой небесной. Как он сумеет выдержать такой график, непонятно. И все же он был не только рад, но даже горд тем, что нашел место. По крайней мере, есть, чем похвастаться Кате.

В любом случае теперь они не умрут с голода — и это уже хорошо. Да и вообще, мстительно думал он, если для меня в этом мире нет возможности работать по специальности, приносить пользу обществу в качестве психолога, пусть так оно все и происходит. Но плохо от этого будет не только ему, но и другим; страна остро нуждается в таких людях, как он, а если она этого не понимает, тем хуже для нее. Эта мысль приносили ему некое удовлетворение, ослабляла чувство унижения.

Вечером во время ужина он сообщил жене о своей удаче. Реакция Кати поразила его, он был уверен, что она обрадуется, вместо этого она заплакала.

— Ты что? — Батурин встал из-за стола, подошел к ней и обнял за плечи. — Ты же сама хотела, чтобы я куда-то устроился.

— Курьером?

— Ты же понимаешь, это временно.

— А что изменится через месяц или через год?

— Не знаю, — честно признался Батурин. — Феномен жизни в том, что в ней ничего не

известно. Знаешь, у меня возникла идея нового труда: «Психология неизвестности». Как неизвестность, в которую целиком погружен человек, влияет на его психику. Как тебе тема?

— Ты собираешься заниматься совсем другим, развозить бумаги по адресам, — напомнила Катя. — Это несправедливо, Вадик.

— Жизнь вся состоит из несправедливостей, — возразил Батури́н. — Одной больше, одной меньше, никто не заметит.

— Ты заметишь, я замечу. — Она вдруг стала гладить его ладони.

— Всего двое из всего населения планеты. Это на уровне статистической погрешности. Ею обычно пренебрегают.

— Для мира — может и статистическая погрешность, но для нас — это вся наша жизнь.

— Катя, — Батури́н наклонился к ее щеке, — мы еще молоды, это временные трудности. Они случаются со многими.

— Не так уже и молоды, — не согласилась жена. — Разве ты не понимаешь, если мы не вырвемся в ближайшее время из этой ситуации, то погрязнем в ней до конца наших дней.

Батури́н мысленно признал правоту жены.

— Нам сейчас нужны просто деньги. По крайней мере, будет на что покупать продукты, платить за квартиру. Остальное подождет.

— Это опасная философия, — покачала головой Катя. — Не ты ли много раз говорил: психика человека так устроена, что нельзя позволять себе втягиваться в собственную неудачу. Если это происходит, из него всегда трудно выходить.

— У нас есть преимущество, нам известно об этом.

— Не всегда знания помогают.

— Да, не всегда, но сейчас нет иного выхода. Выигрывает тот, кто принимает нестандартные, подчас даже парадоксальные решения. Будем считать, что моя работа из этого ряда.

Он посмотрел в ее глаза и увидел, что они все еще полны слезами. Может, у нас еще не все потеряно, наши отношения еще не подошли к точке не возврата, подумал он, целуя жену в губы, которые ответили ему таким же страстным поцелуем.

4

Батурин уже целую неделю работал курьером. И все больше ему это казалось каким-то сюрреалистическим сюжетом. К тому же не всего его надежды сбылись; он полагал, что много будет читать в дороге, но во второй половине дня он так уставал, что ему было не до книг. Приходилось все

время находиться в движении; едва он выполнял одно поручение, возвращался в офис, как тут же получал следующее. К обеду ноги гудели подобно телеграфным столбам; он всегда считал себя крепким и выносливым, в студенческие годы активно занимался спортом, но к концу рабочего дня он напоминал себе выжатый лимон. И мечтал лишь об одном: когда же закончится смена, и он сможет отдохнуть.

Обычно он садился на скамейку в скверике, покупал литровую бутылку воды, и жадно пил, с наслаждением ощущая, как постепенно отходят ноги. Набравшись сил, шел к метро. Он думал о том, что, будучи одним из самых подающих надежду психологов, которому учителя дружно пророчили большую научную карьеру, вынужден заниматься самой примитивной и изнурительной работой, способный выполнять любой идиот. Так у нас все в стране, наиболее достойные и талантливые не у дел, а всем заправляет ограниченная посредственность, превращающее государство в воровской притон. Все точно так, как описано в его книге; какая элита, такое и государство. Отбор в нее происходит по определенным критериям, которые ничего не имеют общего с достоинствами людей. Важны связи и личная преданность, в силу чего элита превращается в касту.

А между кастой и элитой принципиальное и непримиримое различие. Это одно из ключевых положений его труда, он доказывает, что при формировании элиты она сознательно или подсознательно начинает стремиться заменить ее кастовым принципом. Такая подмена грозит печальными последствиями: экономическими кризисами, общественной деградацией, восстаниями, революциями, вплоть до распада государства.

Ну вот, опять он о своем, вздохнул Батулин, выходя из метро. Голова сама думает на привычные темы, не принимая во внимание, что эти мысли никому не нужны. И самое печальное, что почти невозможно освободиться от подобных размышлений, по крайней мере, требуется много времени и усилий, чтобы этого добиться. Да и то результат не гарантирован.

Батулин старался приходить домой не слишком усталым, по возможности бодрым, хотя это давалось ему не без труда. Не хотелось, чтобы Катя видела, насколько он изнурен и истощен, как физически, так и морально. Когда он стал работать курьером, ему было интересно понаблюдать за реакцией жены. Он предполагал, что она будет иронично-сочувственной. Но вскоре к своему удивлению он стал замечать, что она скорей изучающая. Слово ей было интересно, как

скажется это занятие на нем? Поначалу было обидно, но затем он стал думать, что для нее, как для психолога, наблюдать за ним интересно и важно с профессиональной точки зрения. Не каждый день жизнь ставит такой эксперимент, когда прямо на глазах происходят столь неординарные события. Как тут удержаться от того, чтобы их не по изучать. Кто знает, может быть, на основании собранных ею данных она когда-нибудь напишет книгу или защитит диссертацию.

Поэтому, рассудив, Батурич решил не обижаться, по крайней мере, стараться так себя вести. Что толку в сочувствии, ему от этого легче не станет. Зато они оба получают бесценный материал, который, возможно, пригодится для их будущих исследований.

Нельзя сказать, что эти рассуждения были полностью убедительны для него самого, он понимал, что в глубине души не все так гладко, но все же самые острые противоречия они, если не снимали, но ослабляли. А это все же лучше, чем ничего.

Когда Батурич вошел в квартиру, то даже замер от удивления: посреди комнаты его ждал накрытый стол с бутылкой вина и тортом.

— С чего такой пир? — спросил он у жены.

— Ты разве забыл, сегодня неделя, как ты работаешь курьером.

— И эту дату нужно отмечать?

— Не эту дату, а то, что ты сумел выдержать эту работу целую неделю. Я в этом сильно сомневалась.

— Я и сам сильно сомневался. Но каждое утро, когда встаю, начинаю уговаривать себе, что должен отработать еще один день. Как видишь, самовнушение помогает.

— Вижу, садись. Будем праздновать.

Во время праздничного ужина, они довольно много шутили и смеялись, чего не случилось с ними давненько. Батурин делился своими впечатлениями о новой работе, Катя внимательно его слушала. Он чувствовал радость от того, что между ними восстанавливается доверие и близость, хотя понимал, что не стоит переоценивать это сближение. Неудачи последнего времени слишком надломили дух их семьи. И потребуется много событий для его полного возрождения. Вот только какие, пока не совсем понятно. Но явно не его работа курьером. Это всего лишь пауза, вызванная необычными обстоятельствами. То, что случилось, для них одинаково неожиданно, хотя у каждого эта неожиданность проявляется по-своему.

— Что ты все-таки собираешься делать? — вдруг поинтересовалась Катерина в самом конце обеда.

Хотя над ответом на этот вопрос Батурин

думал постоянно, он вдруг понял, что не знает, что сказать.

— Работа курьером — это, в самом деле, необычно и оригинально, — продолжала жена, — но всему должен быть предел. Если человек оригинален всю жизнь — это в какой-то момент становится не оригинальным и скучным. Разве не так?

Батурин вынужден был мысленно признать правоту Кати. Она права, долго тянуть с его курьерством у него не получится, уже скоро надо будет завершать эту эпопею. Иначе их отношения вернутся на прежнюю точку замерзания, с которой они с большим трудом соскочили.

— Я с тобой согласен, — произнес он, — но ты должна понять: нужно время, чтобы оглядеться. Нас постигла неудача, а это всегда самая невыгодная позиция для нового старта.

— Неудача постигла в первую очередь тебя, милый, — уточнила Катя. — Я играла в этой аванюре только роль заднего плана.

— Неважно, но ты в ней участвовала.

— К сожалению.

— Кто знает, возможно, это лучшее, что мы с тобой сотворили.

— Если это даже так, то боюсь, это станет понятным миру еще не скоро.

— Наука требует жертв.

— Требуется, но почему-то жертвой становиться совсем не хочется, — парировала Катя.

— Не хочется, мы же не христианские мученики, — согласился Батулин. — Но знаешь, я долго думал, в чем смысл психологии?

— Горю желанием узнать.

— Это способность человека понять свое предназначение и на этой основе подчиниться своей судьбе. Когда это удается, психология становится не нужной, все происходит само собой.

— Интересная мысль, — не очень охотно согласилась Катя. — Только не всегда легко понять, что именно эта судьба является твоей. Особенно тогда, когда она требует жертв, подчас очень больших. В этом мне кажется уязвимость твоей теории.

— Полной уверенности никогда не бывает. Жизнь специально создает зазор неуверенности. Мне кажется, это делается для того, чтобы оставлять в человеке сомнение. Нормальной личности оно необходимо, это возможность для переоценки. Многие задавливают ее в себе, в этом заключается их главная ошибка.

Катя вздохнула.

— Я знаю, дискутировать с тобой бесполезно, ты всегда победишь в споре. В студенческие годы меня это твое качество восхищало. Но тогда я не могла предположить, что

когда ты выйдешь на самостоятельный путь, эта твоя способность будет приносить тебе одни неприятности. А заодно и мне, коль я связала свою жизнь с твоей. Как бы нам разрубить этот гордиев узел?

Батурин какое-то время молчал. Все же Катя, если и не поставила вопрос ребром, то ясно намекнула ему, что это может случиться в любой момент.

— Не спрашивай меня об этом хотя бы некоторое время, я все равно не смогу на него ответить, — произнес он.

— А потом?

— Меня не оставляет ощущение, что что-то должно произойти. Моя книга не может оставить всех равнодушной. Возможно, до тех, кто должны ее прочитать, она еще не дошла.

— Возможно это и так, ну а если все же никогда не дойдет?

— Прошу тебя, подожди совсем немного, а там поступай так, как сочтешь нужным.

— Хорошо, милый, давай подождем этого дня вместе, — ответила Катя.

5

Батурин возвращался с очередного задания. На этот раз заказчику, кроме документов пришлось

везти посылку килограммов в пять. От метро идти было далеко, и пока он тащился по жаре, то к концу пути силы почти целиком покинули его. Поэтому сейчас он с трудом передвигал ноги, хотелось ужасно есть и пить, но он находился в промзоне, где не было ни скамеек, ни киосков с водой. А до станции метрополитена, где начиналась цивилизация, оставалось никак не меньше двадцати минут ходьбы.

Батурин думал о том, что как только доберется до офиса, тут же подаст заявление об увольнении. Но он понимал, что это всего лишь мечты, ничего подобного не сделает, иначе их семья останется без денег. Поэтому придется терпеть эту муку.

Зазвонил телефон. Батурин сморщился, он почти не сомневался, что звонят из офиса с приказом отправиться по очередному адресу. На миг им овладело искушение не отвечать на звонок; мало ли причин, например, села зарядка аппарата или он где-нибудь оставил его. Но нет, не стоит нарываться на неприятности, к нему и без того там относятся без большого благожелательства. Чувствуют в нем чужака.

Батурин достал телефон, посмотрел на номер — он был незнаком. Значит, не по работе, уже хорошо.

— Я говорю с Вадимом Владиславовичем

Батуриным? — раздался молодой приятный женский голос.

— Да, это я, — произнес он.

— Пожалуйста, не отключайте телефон, сейчас с вами будет говорить Шувалов Андрей Павлович.

— Повторите еще раз, кто будет говорить? — не понял Батурин.

В красивом женском голосе появились нотки удивления.

— Шувалов Андрей Павлович, — повторила она. — Вы не знаете этого человека?

— Шувалова Андрея Павловича знают все. Вы говорите именно о нем?

— Да, о нем. И он желает с вами переговорить. Я соединяю?

— Соединяйте.

Батурин вдруг почувствовал, что у него учащенно колотится сердце, и слегка дрожат руки и губы. Он испугался, что по этой причине не сумеет членораздельно разговаривать со своим собеседником.

Красивый женский голос сменился на старческий и скрипучий.

— Добрый день, Вадим Владиславович!

— Здравствуйте, Андрей Павлович!

— У меня есть к вам серьезный разговор. Вы не возражаете?

— Разумеется, нет.

— Прекрасно. Хотите приехать ко мне прямо сейчас.

Батурин спешно взглянул на часы. До конца рабочего дня оставался еще час, но ему было уже все равно.

— С удовольствием приеду. Только не знаю, куда.

— А вам и не надо знать, — вдруг довольно резко прозвучал голос Шувалова. — Скажите мой секретарше, где вы сейчас находитесь. К вам тот час выедет автомобиль.

— Хорошо.

Старческий скрипучий голос в очередной раз сменился на молодой и красивый.

— Вадим Владиславович, записываю адрес, где вы находитесь?

Батурин продиктовал адрес.

— Пожалуйста, оставайтесь на этом месте. Машина прибудет к вам в течение тридцати минут.

Связь разорвалась, а снова Батурин почувствовал, как у него кружится голова и подрагивают колени. В этот звонок почти так же трудно поверить, как в звонок Бога. То и другое почти в равной мере невероятно. Хотя еще неизвестно, что более невероятней...

Он посмотрел на часы, еще ждать и ждать, когда приедет машина за ним. А он уже весь

дрожит от нетерпения. Что понадобилось одному из самых богатых людей в стране от одного из самых бедных? Ведь Шувалов не только глава большой бизнес-империи, но и руководитель влиятельнейшего Делового союза, где собраны едва ли не все миллиардеры России. Их еще нередко называют властелинами государства. Выше и, правда, только боги. Есть от чего прийти в неистовство.

У Батурина возникло искушение позвонить тут же Кати, но он пресек его. Пока он не выяснит, зачем понадобился Шувалову, он не станет ей ничего сообщать. А вдруг все это не стоит и выведенного яйца? Может, миллиардеру потребовалась какая-нибудь небольшая консультация. Получит он за нее сто или двести долларов — о чем тогда говорить, просто отдаст деньги на хозяйство.

Батурин вновь посмотрел на часы, вот-вот должна подъехать за ним машина Шувалова. У него вдруг возникло предчувствие, что как только он в нее сядет, для него начнется новая жизнь.

6

Машина доставила Батурина к зданию Делового союза. Это был довольно мрачный четырехэтажный особняк, смотревший своими

многочисленными окнами в темные воды канала. Мимо по набережной проносился бесконечный поток автомобилей.

Охранники внимательно изучили его паспорт, словно ценный исторический документ, и пропустили внутрь. Он шел по длинному коридору, сердце прыгало от волнения. Должна же к человеку хотя бы однажды прийти удача. Такого же не может быть, чтобы она все время шла мимо. Это, по меньшей мере, несправедливо.

Батурин остановился возле двери приемной Шувалова. Он огляделся, вокруг не было никого. Может, во всем здании кроме него нет ни одного человека, пришла вдруг странная мысль. Но она помогла стряхнуть овладевшее им некоторое оцепенение. Он постучал в дверь.

Секретарша была та самая владелица приятного голоса, который совсем недавно звучал в его телефоне. Он сразу же узнал эти интонации.

— Андрей Павлович, вас ждет, — сообщила она, как показалось Батурину, с интересом его разглядывая. — Чай, кофе, напитки?

Он тоже посмотрел на нее. Она была очень красива. Такую снимать в кино.

— Все равно.

Секретарша едва заметно улыбнулась, и отворила перед ним дверь.

Батурин еще не видел такого огромного

кабинета, в нем спокойно можно было играть в баскетбол. Он даже не сразу заметил хозяина этих мест; тот сидел в глубине этого большого пространства и внимательно наблюдал за ним. Только сейчас к Вадиму пришло в голову, что одет он не слишком подобающе для такого приема. Надо было слетать домой и сменить джинсы и ветровку на парадный костюм. Но что теперь говорить, когда он уже здесь в таком виде.

— Подходите ко мне и садитесь, Вадим Владиславович, — услышал он уже знакомый старческий скрипучий голос.

Батурин двинулся к огромному письменному столу. Неподалеку от него стояло кресло, он его и занял.

— Вы знаете, зачем я вас пригласил? — спросил Шувалов.

— Не имею представления. Наверное, понадобились мои услуги психолога.

— В какой-то степени, да. Но, насколько я понимаю, вы занимаетесь в основном социальной психологией.

— Вы правильно понимаете, — подтвердил Батурин. Он с интересом рассматривал своего собеседника. Есть старые люди, которые выглядят молодо, а есть старые люди, которые выглядят старо. Шувалов, без всякого сомнения, принадлежал ко второй категории. Батурин точно

знал, что ему семьдесят лет — это он пока ждал машину, вычитал в Интернете вместе с другим ворохом информации об этом человеке. Но выглядел миллиардер на все восемьдесят, если не больше. На его лице щедро оставила многочисленные следы прожитая им большая и непростая долгая жизнь.

— И все же, какие мысли породили у вас мое приглашение на встречу? — спросил Шувалов.

— Вообще-то их было довольно много, но ни одной конкретной.

— Вот в чем причина моей встречи с вами. — Шувалов взял со стола толстую книгу и, словно флаг, поднял над собой.

Батурин спокойно посмотрел на нее, он почти не сомневался, что Шувалов держит в руке его книгу. Так оно и оказалось. Он вдруг успокоился, наконец-то все пошло так, как и должно было идти. Остается лишь гадать, чем все это кончится?

— Узнали книгу, Вадим Владиславович?

— Как я ее могу не узнать, это же моя книга.

— Это лучшая книга на эту тему, что я читал в своей жизни. А поверьте, я давно интересуюсь этой тематикой.

— Я верю, Андрей Павлович.

Шувалов бросил на Батурина пристальный взгляд из-под когтистых бровей. И Батурин невольно подумал, что, возможно, он выбрал со

своим собеседником неверный тон для общения. Может, учитывая его общественное положение и богатство, он привык к большому чинопочитанию и угодничеству. Ну, уж нет, унижаться он не станет.

— Я прочитал эту книгу от корки до корки. А некоторые места — по несколько раз, — сообщил Шувалов.

Батурин почувствовал невольную гордость, из уст такого человека, как Шувалов, это очень высокая оценка. Она окупает все те неприятности, что принесла ему, как автору, эта книга.

— Для меня это большая честь, — произнес он.

— Возможно, но мне бы хотелось, чтобы наш разговор имел бы более предметный характер.

— Я готов к любому разговору. Что вы имеете в виду под предметным характером?

— Что вы думаете об элите вообще и о нашей элите в частности?

Батурин посмотрел на Шувалова, пытаясь понять, нет ли подвоха в его словах. Миллиардер смотрел на него строгим взглядом экзаменатора.

— Все, что я думаю на этот счет, я отразил в книге, — уклончиво ответил Батурин.

— Я прошу вас четко отвечать на мои вопросы, от этого для вас многое зависит.

Батурин хотел спросить, что именно зависит, но ему показалось, что этот вопрос Шувалову не

понравится. Наверное, он пока не собирается доводить это до его сведения.

— Хорошо, Андрей Павлович, я считаю, что состояние нашей элиты катастрофическое. Она ведет страну в пропасть.

Шувалов кивнул головой.

— Наши мнения совпадают. Мне понравился в вашей книге один абзац.

— Могу я узнать, какой именно?

Шувалов откинулся на спинку кресла.

— Вы пишете о том, что в процесс образования элиты самое важное это то, каким образом она образуется. Крайне необходимо выработать позитивные критерии ее формирования; если отбор осуществляется по неверным принципам, страна никогда не достигнет процветания.

— Это, в самом деле, одна из важнейших моих мыслей. Каждая элита создает свои принципы отбора в зависимости от преследуемых ею целей. Обычно их две: первая — это самосохранение, вторая — развитие страны. К сожалению, в нашем случае первая задача полностью превалирует над второй. Причем, это происходит повсеместно, как в высших, так и в низших этажах элиты. Что закономерно, ведь обычно на низших уровнях копируют то, что делается на высших.

— Вы это называете законом копирования

элит, — задумчиво произнес Шувалов.

— Да, это так, — проговорил слегка удивленный таким хорошим знанием его книги Батурин. Неужели этот человек и в самом деле тщательно ее проштудировал.

— Вы обнаружили страшную закономерность. Я много раз сталкивался с ней, но до вашей книги по-настоящему не задумывался об этом явлении.

— Рад, что хоть в чем-то вам полезен.

Шувалов неожиданно встрепенулся и наклонился вперед, поближе к Батурину.

— Не о том сейчас речь, уважаемый Вадим Владиславович.

— А о чем же?

— И еще вы очень правильно пишете, что элита самым непосредственным образом влияет на народ, а народ влияет на элиту. Если эта зависимость отрицательная, то создается исторический порочный круг, который без конца воспроизводится; элиты развращает народ, а развращенный народ формирует элиту, которая снова его развращает. Такие государства не в состоянии успешно развиваться, зато способны долго и мучительно гнить.

— Я об этом тоже писал.

Шувалов кивнул головой.

— Но вы ничего не сказали, что делать в такой ситуации.

Батурин развел руками.

— В книге я привожу исторические примеры подобных ситуаций. Чаще всего выход из них тяжел, долгов и кровав. Наиболее оптимальный вариант, когда страну завоевывает другое государство, которое начинает ее очищать от накопленной мерзости, кардинально меняет и саму элиту, и способы ее формирования.

— Ваши примеры убедительны, только никто нас завоевывать не собирается. Все смотрят и ждут, когда мы загнемся сами от своего гноя. Каков в таком случае будет ваш выход, Вадим Владиславович?

— Честно говоря, даже не представляю. Боюсь, что его нет. В этом случае уже никакая элита не поможет. Да и никто ее не станет формировать.

— Печальный вывод, хотя, надо признать, закономерный, — согласился Шувалов. — Признаюсь вам, я сам давно и много размышляю на эту тему. В каком-то смысле, мне это делать легче, чем вам; я смотрю на элиту не снаружи, как вы, а изнутри. Я являюсь представителем той самой элиты, о которой вы пишете. Вот почему я в ужасе. Ситуация еще хуже, чем вы думаете.

Несколько мгновений они молчали, каждый обдумывал слова другого.

— Я несколько не сомневаюсь в вашей

оценке, — первым произнес Батулин, — но я не могу понять смысл нашей беседы. Если мы просто обмениваемся мнениями...

— Не все сразу, — прервал его Шувалов. — Понимаю, вы молодой, вам хочется как можно скорей все узнать. Но я должен быть уверен, что не ошибаюсь на ваш счет.

— Вы прочитали мою книгу...

— Книги недостаточно, — снова перебил Батулина его собеседник. — Книга одно, а живой человек другое. Поверьте, в этом я убеждался бесчисленное количество раз.

— Я верю, Андрей Павлович.

— И правильно поступаете, — другим, более благожелательным тоном проговорил Шувалов.

Его лицо даже немножко подобрела, по крайней мере, выражение суровости как-то ослабло. Батулин невольно задал себе вопрос: каким бывает этот человек в домашней обстановке? Большая вероятность, что совсем не таким, каким, например, в своем офисе.

— И все же мне бы хотелось понять, о чем наш разговор?

— Как вы считаете, можно ли воспитывать элиту?

— Я писал об этом в книге...

— Я вас уже просил, не ссылайтесь на книгу, а отвечайте мне, как будто ее нет. Это в ваших

интересах.

— Хорошо, с моей точки зрения очень сложно воспитывать элиту отдельно от общества. Хотя такие примеры были.

— И что за примеры?

— Декабристы. Это один из редких примеров в истории, когда в стране возникла подлинная элита. Проблема заключалась в том, что эта элита не была у власти, она находилась где-то с боку, а та элита, что была у власти, по своим качествам элитой не являлась. Это стало причиной столкновения этих двух групп. Правящая элита просто не могла не уничтожить заговорщиков, не потому что они заговорщики, а потому что только таким образом она могла отстоять право на власть. Некачественная элита всегда стремится извести качественную, им нет места на одной земле. В этом трагедия, так как достойные обычно проигрывают недостойным.

— Вы правы, — задумчиво произнес Шувалов. — В каком-то смысле сейчас так и происходит. Мне нравится, что вы точно ставите диагноз. В вашем возрасте я был намного наивней. Сейчас-то я вижу все гораздо острее, да вот что в том толк. Изменить мне уже ничего не удастся. Так, если что-то по мелочам. Но у нас теория малых дел не работает, слишком сильно мы зашли не туда, слишком сильно все запущено. С их помощью

будем выбираться чересчур долго. А чересчур долго в наших условиях означает никогда не выбраться.

— Если все так, как вы говорите, тогда о чем мы говорим?

— Если говорим, значит, есть о чем, Вадим Владиславович. — Голос Шувалова прозвучал резко, так говорят с проштрафившимся подчиненным.

Батурин почувствовал раздражение, сколько можно терпеть эту игру в кошки мышки. Неужели так трудно раскрывать карты?

— Не сердитесь, — словно поняв его чувства, уже мягче произнес Шувалов. — Просто тоскливо становится от безысходности. Я каждый день сталкиваюсь с ней, и это вызывает тяжелые чувства. Я вам признаюсь, что сталкиваюсь с этим даже в собственной семье.

— В семье? — изумился Батурин. — Но считается, что ваш бизнес один из самых эффективных.

— Одно не исключает другого. Да было бы странным, если бы и меня миновала чаши сия.

Опять не понятно, о чем он говорит, раздраженно подумал Батурин. Как долго все это будет тянуться?

— Где вы сейчас работаете?

Вопрос застал Батурина врасплох, он не знал,

как на него отвечать. Говорить правду неудобно, но и врать — ничуть не лучше. Пора было давать ответ, а он никак не мог сделать выбор.

— Вы не слышали мой вопрос? — снова требовательно произнес Шувалов.

— Работаю курьером.

— Что? Каким курьером? Вы смеетесь надо мной. Не советую.

— Обычным курьером, разношу документы и посылки до пяти килограмм. Так записано в моем контракте.

— Вы это серьезно?

— Другой работы не сумел найти.

— Сколько же вам платят за нее, если не секрет.

— Двадцать тысяч.

— Может, это у вас такой протест?

— Я рассылал резюме во многие организации и компании. Никого они не заинтересовали.

— А ваша книга?

— Она тоже почти не имеет откликов.

— Черт возьми! Что за страна идиотов! — Внезапно Шувалов громко выругался. — Смерть очень полезная вещь, она очищает человеческий род от всякой гнили и мерзости. А потому я всячески ее приветствую. Но вот что мне глубоко противно, это когда государство или человек ведут себя так, что сами приближают свое исчезновение.

Многие режимы погибли по причине своей непередаваемой глупости. Часто люди находились у власти очень много лет, но ничему так и не научились.

— Это очень распространенное явление, — согласился Батурин. — Неэлитная элита всегда только разрушает.

— «Неэлитная элита» вы так называли одну из своих глав, — произнес Шувалов, листая книгу. — Я считаю ее одной из самых важных. — Он вдруг резко отодвинул том. — Когда я прочитал ваш труд, мне захотелось застрелиться.

— Этого не может быть! — воскликнул Батурин.

— Вы слишком точны и беспощадны в своих описаниях и выводах. От этого становится все еще более безнадежным. Спрашивается, зачем я столько трудился? Чтобы прийти к тому, к чему мы все пришли. Но это абсолютно бессмысленно.

— Вы заработали очень много денег, — не удержался от слов Батурин. Он вдруг ощутил сильную зависть к своему собеседнику.

Шувалов пристально взглянул на него.

— Это слова бедного человека, — вдруг усмехнулся он. — Когда имеешь денег столько, сколько их у меня, они теряют всяческую ценность. Сакральный свой характер они приобретают в глазах неимущего. Он готов молиться им, как

божеству. Разве не так?

— Так, — согласился Батурин.

— Я не осуждаю вас, а хорошо понимаю. Это ужасно, когда не хватает денег на самое насущное. Это ваша ситуация?

— Да, — подтвердил Батурин.

— Еще одно доказательство безумия мира. Самые полезные и нужные обществу люди пребывают в бедственном положении. Это путь в никуда.

— Я тоже так думаю.

— Думать мало, надо еще и делать.

— А что я могу. Вот написал книгу, в которой изложил свое видение ситуации. Я думал, она получит большой резонанс, но, боюсь, что кроме вас ее так никто больше и не прочитает.

— Ее читали, дорогой Вадим Владиславович, только резонанс оказался иным, чем вы надеялись, — усмехнулся Шувалов.

— И что за резонанс?

— А вы не понимаете?

— Не совсем.

— А вас не удивляет, что вы работаете курьером?

— Вы хотите сказать...

— Что надо, я уже сказал.

— Я должен обдумать ваши слова.

— Бросьте, чего тут думать. И без того ясно.

Вижу, на вас эта новость произвела впечатление.

— Я не готовился к такому повороту событий.

— Редко, кто готовится. Тем не менее, события настигают нас часто внезапно. Впрочем, это относится не только к плохим, но и к хорошим вещам.

Батурин молчал, ожидая продолжения. Он ощущал небольшое утомление от разговора, сколько можно ходить вокруг да около. У Шувалова тяжелый характер, это отмечают многие из тех, кто его знают, он никогда не идет к цели прямой дорогой, всегда закоулками.

— Я рад нашему знакомству, Вадим Владиславович, — произнес Шувалов. — Я хотел на вас посмотреть, узнать не только, что вы пишете, но и послушать, что говорите. Я доволен нашим общением.

— Это все, что вы хотите мне сказать, Андрей Павлович? — недоверчиво произнес Батурин.

— На данный момент, да. Но это не означает, что этим наш разговор исчерпан. Есть большая вероятность, что он продолжится. А сейчас до свидания.

7

Прошло несколько дней, а от Шувалова его больше никто не беспокоил. Хотя каждый

раздающийся звонок обкатывал Батурина теплой волной надежды. Но, убедившись, что звонят совсем по другому поводу, он, впадал в кратковременную депрессию. Катя заметила его состояние, и ему пришлось рассказать ей о встрече с миллиардером. Ее реакция удивила его.

— Не волнуйся, я знаю этих людей, твой богач непременно даст о себе знать. Они очень осторожные, боятся ошибиться. Мой отец был таким же, долго взвешивал любое решение. Каждое из них стоит больших денег. Но то, что он сам тебе позвонил, это хороший знак. Даже странно, что я разъясняю такие вещи дипломированному психологу. Ты должен знать, что богатые и бедные в схожих ситуациях нередко ведут себя кардинально по-разному.

— Я знаю, но мне трудно размышлять также трезво, как и ты. Я все время думаю, что же он от меня хочет? Наш разговор был одновременно очень общим и конкретным. Я это кожей чувствовал. Но вот в чем конкретность так и не понял. А он старательно избегал даже намека на это. Хитрый и проницательный тип.

Катя бросила на мужа насмешливый взгляд.

— Знаешь, в твоём характере стали проявляться новые черты. По крайней мере, раньше я их не замечала.

— И что за черты?

— Необъективность, вульгарная нетерпеливость. Можно поискать еще некоторые не самые лучшие определения.

— Этих вполне достаточно. — Батурин почувствовал обиду, слова жены показались ему несправедливыми. — Ты же видишь, в какой я ситуации. Мне очень хочется получить нормальную работу. Но если Шувалов прав и существует негласный приказ никуда меня не брать, то положение хуже некуда. Что я, по-твоему, должен дальше делать? Всю оставшуюся жизнь бегать по городу курьером?

— Что же в таком случае ты думаешь делать?

Батурин задумался.

— Выход может быть только одним — надо бросать тут все к черту и валить отсюда.

— Куда? Ни у меня, ни у тебя нет родственников за границей. В свое время мой отец хотел уехать, но так и не успел: сначала разорился, затем умер.

— Куда сможем, туда и ехать.

— Без копейки денег?

— Продадим квартиру, все вещи.

— Будем вдобавок бездомные. Учти, дорогой, в приличную страну нас скорей всего не пустят, нас же не преследуют по политическим мотивам. А в какой-нибудь отсталой стране твои знания не пригодятся точно так же, как и тут. В чем в таком

случае разница?

Батуриным завладело раздражение. Он смотрел на жену и не понимал, насколько серьезно она сейчас говорит. Он знал это ее качество, она могла быть беспощадно логичной. Попробуй, возрази ее аргументам.

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего, я просто анализирую ситуацию. Согласись, иногда это делать полезно.

Батурин неохотно кивнул головой, и в этом она права, вот он далеко не всегда способен к такому трезвому анализу, иногда его столь сильно захватывают эмоции, что ему становится не до него. А вот она хоть и женщина, с ней это случается реже. Из них двоих обладатель холодной головы именно Катя, а не он.

— Хорошо, коли так, дай мне совет, как поступить?

Катя победно улыбнулась, он понимал, что в этом поединке победу одержала она.

— Пока никак не надо поступать. Я думаю, что звонок Шувалова был сделан либо по его инициативе, либо он выполнял чью-то просьбу. Но в любом случае маловероятно, что это произошло случайно. Значит, где-то тобой заинтересовались и раздумывают над форматом сотрудничества. А, учитывая, что ты вызвал своей книгой недовольство высокопоставленных лиц, этим можно объяснить

задержку. Может, они решают, может, согласовывают. Полагаю, скоро все прояснится. Наберись терпения, часто самый мудрый поступок — не совершать никакого поступка. Знаешь, что мне больше всего не нравится в этой ситуации?

— Нет, не знаю.

— Тогда я тебе так и быть скажу. Когда у тебя что-то не ладится, ты теряешь квалификацию психолога, забываешь о всех своих знаниях и навыков и превращаешься в обычного обывателя.

Батурин мысленно признал, что Катя снова права, именно так все с ним нередко и происходит. Надо от этого избавляться, вот только как?

Но как оказалось, ему пришлось в первую очередь бороться с другой напастью. После встречи с Шуваловым ему стало еще трудней работать курьером. Его просто тошнило от одной мысли о своих обязанностях. Ничего омерзительней не может быть. Приходилось напрягать свою волю, чтобы вставать рано утром и отправляться через весь город в контору.

Батурин трясся в метро, а думал о том, что если тут ему перекрыты все пути, в таком случае остается одна дорога — уехать их страны. А может, эту мысль подбрасывают ему как раз те, кто все это и сотворил. Он уедет — и всем будет хорошо. Сколько людей по схожим причинам покинули Россию за столетия ее истории. Одни удачно

устроились за границей, другим она стала настоящей чужбиной. Правда, в наше время обычно драматические сюжеты реализуются не часто.

И все же страх перед решением не проходил. Если Шувалов ничего ему не предложит, придется его принимать. Не будет же он до конца жизни бегать по улицам города и разносить документы и посылки. Ужасней судьбы невозможно вообразить.

Батурин знал за собой один недостаток: в какой-то момент он переставал владеть собой. В нем неизвестно откуда возникало избыточное желание идти на конфликт, если он чувствовал, что происходит нечто такое, с чем он не согласен, либо не может смириться.

Согласно заключенному контракту, весь груза для доставки не должен был превышать пяти килограмм. Непосредственный начальник Батурина, который с самого начала относился к нему недоброжелательно, ничего не сказав, положил перед ним какой-то прибор, который следовало доставить по адресу. Батурин ему приподнял и сразу определил, что в нем никак не меньше, если не больше десяти килограмм. Он его до остановки автобуса даже не допрет, а это нормальным шагом идти пятнадцать минут, а с таким грузом — все полчаса.

Батурин сказал своему начальнику, что он не обязан носить такие тяжелые предметы, пусть дают

машину. Тот в грубой форме отказался это делать, назвав Батурина интеллигентным хлюпиком. И без того взвинченный Батурин на какое-то время потерял власть над собой и бросился на него. Прежде чем их разняли, им даже удалось немного подраться; Батурин получил удар по касательной в висок, а сам ткнул своего противника в грудь.

После этого инцидента с работой в этом месте было покончено. Причем, согласно контракту Батурина даже не полагалась плата за отработанные дни, так как он был на испытательном сроке, который он не выдержал. Это была самая настоящая катастрофа, он-то надеялся, что уже через неделю получит первую зарплату. А что делать теперь?

Батурина не хотелось ехать домой. Что он скажет Кате? Вдобавок болело лицо, все же полученный удар вызвал набухание синяка. Это он заметил, когда посмотрел на себя в зеркало в туалете. Ему захотелось вернуться в контору и накостылять, как следует своему оппоненту. В детстве Батурин слыл драчуном, что беспокоило родителей и учителей. По этой причине он едва не лишился золотой медали; не все хотели вручать ее хулигану. Но тогда пронесло и в торжественной обстановке он все же ее получил. В тот момент она символизировала для него надежду на большое будущее. Но где оно?

Катя встретила известие внешне спокойно.

— Не сомневалась, что нечто такое случится, — констатировала она. — С твоим характером такая работа не для тебя.

— Что же будем делать? Деньги же кончаются.

— Я обдумывала этот вопрос. От мамы остались дорогие золотые и бриллиантовые украшения, сдадим в ломбард. На месяц должно хватить.

— А что будет после этого месяца? — поинтересовался Батурич.

Жена посмотрела на него.

— Так далеко лучше не заглядывать, чтобы не поддаться отчаянию. Нас этому учили на первом курсе: ни что так не угнетает, как отсутствие надежды на будущее. Поэтому, если в нем в данный момент нет уверенности, не заглядывайте по-возможности в него. Неужели забыл?

— Помню, — хмуро сказал Батурич. — Значит, для нормальной жизни у нас есть всего месяц.

8

Батурич полагал, что после того, как отпадет необходимость посещать ненавистную работу, ему станет легче. Но все случилось скорей наоборот,

ему стало еще тяжелей. Его захлестнула волна неприкаянности и ненужности, он не знал, куда себя девать. Он просыпался с мыслью, что не представляет, чем станет заниматься целый день. Он лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок, рядом тихо и буднично сопела жена. А он думал о самоубийстве.

Батурин понимал, что все это полная ерунда, ни к какому самоубийству он не готов, это не более чем защитная реакция. Но сама по себе она была знаменательна, и он сознавал, что с ней следует что-то делать, как-то от нее избавляться. Иначе его накроет глубокая депрессия, а вот она-то и представляет главную угрозу. В нее легко войти и трудно выйти, ему это очень хорошо известно. И чтобы этого не случилось, нужно срочно принять судьбоносное решение. От Шаталова, судя по всему, звонка он не дождется. Что-то не сложилось или он передумал, в любом случае уже прошло две недели после их встречи — а так ничего больше и не произошло. А у него времени в обрез.

О своем решении Батурин сообщил жене за завтраком.

— Нам следует как можно скорей уехать навсегда или надолго из страны. Я решил это твердо, здесь мы сойдем с ума.

К некоторому его удивлению, сообщение Катя восприняла внешне спокойно, он понял, что она

сама думала в этом направлении.

— Куда же ты собрался? — поинтересовалась она.

— Вчера весь день я изучал Интернет. Есть разные возможности. Но мне больше всего приглянулась одна: в Новой Зеландии приглашают людей заниматься фермерством, осваивать новую территорию. Предоставляют неплохие условия.

Только после этих слов на лице жены появилось удивление.

— Какое отношение ты имеешь к фермерству. Ты хоть знаешь, как выглядит корова? Не спутаешь ее с быком?

— Мой прадед был крестьянином, у него было большое хозяйство, даже имел батраков, пока его не раскулачили. Мне об этом рассказывал отец.

— Почти у всех прадеды были крестьянами, но это совершенно не делает нас всех фермерами. Кстати, мой прадед был помещик, у него было имение с крепостными. Но не думаю, что мне это как-то поможет на новом поприще, — насмешливо пожала плечами Катя.

— Ты мне никогда об этом не говорила.

— Как-то не пришлось. Я происхожу из весьма древнего дворянского рода. Но что это меняет, особенно в стране, где с дворянством давно покончено. Поищи что-нибудь другое.

— По условиям это самое лучшее. К тому же

там оказывают помощь, зачисляются на полугодовые сельскохозяйственные курсы. А в это время платят стипендию. Важно, что мы проходим по возрасту. Я сегодня пойду в посольство, узнаю, как и что и начнем собирать документы. А там кто знает, куда кривая выведет. Мы оба с тобой прекрасно говорим по-английски, это наше большое преимущество. Начнем фермерами, потом попробуем стать психологами. Главное, зацепиться.

— Делай, как считаешь нужным, — проговорила Катя.

— То есть ты согласна? — недоверчиво посмотрел Батури на жену.

— Я знаю одно: всегда лучше чего-то делать, чем ничего не делать.

Батури в тот же день отправился в посольство, провел там пару часов, большая часть из которых ушло на ожидание. Но вернулся домой он обнадеженный.

— Все так и есть, как я говорил. Надо собирать и подавать документы, примерно месяц уйдет на ожидание ответа. А затем можно будет уезжать. Мне заверили, что причин для отказа не должно быть.

Весь остаток дня они посвятили чтению различных материалов о Новой Зеландии, смотрели видео об этой стране. Им все понравилось настолько, что под конец Катя даже задумчиво

протянуло: «Может, действительно это лучший вариант, который у нас есть».

За несколько дней они собрали документы, Батурин отнес их в посольство. Теперь оставалось только ждать.

Батурин ходил по городу и прощался с ним. Почему-то раньше он никогда всерьез не рассматривал варианта отъезда из страны, хотя немало его однокурсников, знакомых переселились в другие государства. И большинство из них вполне прилично устроились. Правда, далеко не все работали по своей профессии. До последнего времени это как раз и отпугивало его, он ее менять не желал. Наоборот, у него было немало замыслов, которые он хотел воплотить. И проклятая книга — один из них. Он был так счастлив, когда завершил ее, столько связывал с ней надежд. А теперь из-за нее вынужден эмигрировать. Он бы с удовольствием это сделал, если бы какой-нибудь зарубежный университет пригласил его на работу. Но, увы, таких вариантов у него не было. Придется, по крайней мере, в начала переквалифицироваться в фермера. Это грустно, но лучше, чем его нынешняя ситуация. К счастью, он там окажется не один, Катя согласилась сопровождать его, что стало огромной неожиданностью. И он до сих пор не до конца понимает ее мотивы. Но ничего, со временем поймет. Главное, что они будут там вместе, а это

уже не так страшно.

Им позвонили по телефону из посольства и сообщили, что все движется нормально и через неделю их документы будут готовы. А так как принимающая сторона оплачивала проезд, то их попросили назначить дату отъезда. Батурин попросил немного времени для консультаций с женой.

Катя была в магазине. Едва она появилась на пороге, он тут же сообщил ей о звонке.

— Когда, думаешь, нам лучше отчалить? — спросил он.

Жена ответила, почти не раздумывая.

— Раз решили, какой смысл тянуть. Если, как они уверяют, через неделю документы будут готовы, то на сборы и другие дела еще неделю и улетаем.

Батурина вдруг стало холодно, решимость Кати поразила его, но он постарался не выдать свои чувства.

— Прекрасно, так я им и сообщу.

Он тут же позвонил в посольство и продиктовал дату отъезда.

— Ну, вот, — постарался улыбнуться он как можно безмятежней, — мы уже почти эмигранты.

— Почти не считается, — возразила Катя, — вот когда хотя бы сядем в самолет, тогда можем так себя называть.

Поведение Кати удивляло Батурина все больше и больше, для него стало откровением, что она так спокойно относится к столь решительному шагу, который кардинально меняет всю их жизнь. Он же чувствовал целую палитру чувств: грусть, сожаление, беспокойство, периодически переходящее в самый настоящий страх. До самого последнего периода он двигался путь и с зигзагами, но все же в целом по прямой и широкой магистрали. И в глубине души был уверен, что так все и будет продолжаться до самого конца. И этот резкий и неожиданный поворот выбивал его из привычного состояния. Батурин понимал, чтобы вернуть себе утраченную психологическую устойчивость, ему придется поработать. Но пока он не очень представлял, ни что следует делать, ни сколько это займет времени.

Впрочем, если еще совсем недавно, он не знал, куда его девать, то теперь неожиданно его стало резко не хватать. За короткий срок предстояло сделать немало дел, в том числе попрощаться с друзьями и родственниками. Он много думал о том, как бы отнеслись к его поступку родители, если бы они дожили до этого момента. Надо отдать им справедливость, и отец и мать всегда уважали его решения, никогда не давили на него, наоборот, оберегали его право на свободу. Скорей всего сказывалось то, что оба были

научными работниками и хорошо понимали ценность свободной личности, предоставление для нее возможности для самореализации. Не исключено, что не относись они так к своему единственному сыну, он бы не стал тем, кем стал.

Батурин с какого-то момента стал понимать: то, что после публикации книги, его обложили со всех сторон, как раз и является самым ярким доказательством его признания и успеха. Хотя успеха странного, который не приносит ни славу, ни денег, а внедряет в сознание ощущение изгоя и изгнанника. Но может быть, такой успех в некотором смысле несравненно более ценен, нежели традиционные представления о нем. Ведь все в мире зависит от выбранных критериев и далеко не всегда стоит исходить из традиционного их набора.

Неделя пролетела словно комета. В посольстве были точны, оттуда позвонили в тот день, в который обещали. Женский голос на хорошем русском, хотя и с сильным акцентом сообщил, что документы готовы, билеты заказаны, можно за всем этим набором приезжать в посольство. Батурин поблагодарил женский голос с акцентом и уже через час ехал туда.

Теперь уже точно осталась последняя неделя пребывания в родной стране. Нужно было срочно собирать, паковать вещи. Они договорились, что

возьмут самое необходимое, без чего не обойтись. Никакой мебели перевозить не станут, просто запрут квартиру до лучших времен. А на новом месте, если повезет, купят все заново. Если они приживутся в Новой Зеландии, то со временем продадут свою недвижимость и приобретут там дом. Именно дом, а не квартиру, в этом они оба были солидарны.

Хотя Батурин и являлся профессиональным психологом, но он затруднялся охарактеризовать состояние своего сознания. Оно было подернуто таким густым туманом, что он никак не мог проникнуть сквозь эту плотную пелену. Он и радовался, что совсем скоро покинет не оценившую его страну, и ему было невероятно больно от предстоящей с ней разлуки. Какое чувство превалировало, сказать он не мог, вверх попеременно брало то одно, то другое. Этому же ритму и подчинялся его настрой, который каждый день кардинально менялся по несколько раз.

До отъезда оставалось всего два дня. Был вечер, когда они завершили сборы, надо было лишь еще положить в чемоданы вещи повседневного пользования. Они сели напротив друг друга, утомленные этими скучными хлопотами.

— Как ни странно, но мы готовы к отъезду, — проговорила Катя.

Батурин кивнул головой.

— Как ни странно, я до самого последнего момента не верил в это. Но, судя по всему, послезавтра мы сядем в самолет. Значит, это действительно судьба.

— Я тоже в последнее время много размышляю о судьбе. Но никак не могу уловить, что же это такое? В ней есть нечто безнадежное. Словно приговор невидимого суда.

— Если воспринимать судьбу, как наказание, тогда твои слова справедливы. Но если она наполняет человека счастьем, можно ли считать ее приговором? Значит, все же это нечто иное. Кстати, составной частью судьбы всегда является надежда. Не будь ее у нас, разве мы собрались бы в такое далекое и непредсказуемое путешествие.

— Ты прав. Что будет делать в оставшееся время до сна?

— А пойдём, погуляем, — предложил Батурин. — В самый центр города.

Они медленно двигались по Красной площади. Было еще не очень поздно, поэтому народу вокруг бродило много. Они остановились и стали смотреть на кремлевские башни и стены.

— Не верится, что уже через два дня мы не сможем вот так же отправиться сюда, — задумчиво протянула Катя. — Даже становится как-то страшно.

Батурин разделял чувства жены, но вслух ему

почему-то не хотелось соглашаться. Это упадническое настроение, а с ним следует бороться. Иначе оно их погубит.

— Не стоит быть столь привязчивым, — произнес он. — Вот увидишь, пройдет совсем немного времени, и мы привыкнем к новым местам. А прежние будем уже вспоминать не столь ностальгически. Главное — это пережить переходное состояние, оно самое трудное. Зато и короткое.

— Скорей бы это произошло. Знаешь, меня вдруг потянуло на новое место, это же всегда интересно. Тем более, тут нам все равно ничего не светит. Мне даже кажется, что совсем скоро я не буду жалеть, что уехала.

— Если будем жалеть, тогда точно там у нас ничего не получится. Жалость — это как путы, она связывает по рукам и ногам. — Батурин внезапно отвернулся от кремлевской стены. — Не хочу больше смотреть на Кремль, это только портит настроение. Поехали лучше домой, зря мы сюда пришли. Там, за стеной нас не любят, мы здесь никому не нужны.

9

Утром Батурин встал со странным ощущением, который он не сразу сумел

идентифицировать. Ему понадобилось некоторое время, чтобы осознать, в чем причины этого чувства. Сегодня последний день пребывания на родной земле. В это почти невозможно поверить, но это так.

В квартире никого не было, Катя куда-то ушла, скорей всего в магазин, запастись продуктами на первые дни. Так можно будет хотя бы немного сэкономить, питаться в ресторанах слишком накладно.

Батурин дождался возвращения жены, после чего они позавтракали. У него оставались в городе еще пара небольших прощальных дел, он решил не откладывать их на вечер, а выполнить с утра.

Дела заняли всего два часа, он уже возвращался домой, как зазвенел телефон. Батурин взглянул на номер, и у него учащенно забилося сердце — звонили от Шувалова. Он поспешно нажал на соединение.

На этот раз с ним говорил сам миллиардер. Правда, голос у него был какой-то странный — уж очень хриплый. Батурин не сразу сообразил, что это мог быть голос больного человека.

Шувалов начал почти без предисловий. После короткого приветствия он сразу перешел к деловой части разговора.

— У меня к вам важное дело, Вадим Владиславович. Можете ли вы сейчас приехать ко

мне?

— В общем, могу, — немного растерялся от неожиданного предложения Батурина. — Вы хотите прямо сейчас? — на всякий случай уточнил он.

— Именно сейчас. Согласны?

— Да.

— Только я сейчас нахожусь не в офисе, а в своем доме. Вы не против посетить мое жилище?

— Нет.

— В таком случае диктуйте адрес, куда прислать машину.

Батурина охватило смятение, он уже смирился с тем, что уезжает из страны надолго или даже навсегда, а тут этот звонок. Теперь уже остается немного сомнений, что Шувалов намерен сделать ему какое-то предложение, а это может в свою очередь нарушить их с Катей планы. Но и не поехать к нему, после того, как дал на это согласие, тоже не может.

Дорога заняла почти час. Автоматические ворота открылись, и автомобиль въехал на территорию усадьбы. Батурина почему-то был уверен, что она будет огромного размера, но ни земельный участок, ни сам дом ими не поражал. Все было достаточно скромно, хотя территория была ухожена, а особняк восхищал своими точно выверенными пропорциями. Его строил архитектор, который ставил перед собой задачу удивить ни

своими масштабами, а красотой и изяществом линий и пропорций.

Через пару минут Батурина убедился, что и интерьер дома соответствует его фасаду. Здесь не было кричащий роскоши, зато во всем чувствовался отменный вкус.

Батурина встретил одетый в строгий костюм молодой мужчина.

— Андрей Павлович, вас ждет. Я вас провожу в его спальню.

Это удивило Батурина, обычно деловые встречи проходят в кабинетах или в специальных переговорных комнатах.

По причудливо, словно змея, извивающейся лестнице они поднялись на второй этаж. Молодой человек открыл дверь, и Батурина вошел в комнату.

Шувалов лежал на кровати. Батурина сразу же бросилось в глаза худое лицо хозяина дома. Внешний вид миллиардера явно изменился к худшему по сравнению с первой их встречей.

— Извините, что принимаю вас тут и в таком виде, — произнес своим хриплым голосом Шувалов. — Вы уже догадались, что я болею. Но это вас не должно беспокоить, у вас иные задачи. Садитесь, пожалуйста, вот туда, — указал он на стоящее у стены кресло.

Батурина поспешно сел.

— Я вас слушаю, Андрей Павлович.

— Хочу принести извинение, что долго не давал о себе вестей. Меня оправдывает с одной стороны моя болезнь, с другой, надо было завершить переговоры по вашему делу. А, поверьте, это было более чем нелегко.

— Но я по-прежнему не знаю, что это за дело.

Шувалов кивнул головой.

— Не рассказывал, потому что было преждевременно. А сейчас как раз настал такой момент. Вы помните наш первый разговор?

— Очень хорошо помню.

— Я сделаю его краткий резюме. Качество нашей элиты ужасно, с ней невозможно никакое развитие. Но ее уже не исправишь, надо думать о будущем. В этом пафос всей вашей книги.

— Абсолютно верно вы его уловили.

— В том числе благодаря вам я стал думать о будущем нашей элиты. В результате у меня родился самый безумный проект в моей жизни. Вы улавливаете, о чем я говорю? — посмотрел Шувалов на Батурина.

— Пока нет, — честно признался он.

— Поверьте, это было титаническое дело. Я за последний месяц провел переговоры с большим количеством людей. К сожалению, не все со мной согласились, но некоторых все же удалось убедить. И это большое достижение.

— Не сомневаюсь, — осторожно произнес

Батурин. Его охватило раздражение, они уже второй раз ведут беседу, а до ее цели все никак не доберутся.

Шувалов проницательно посмотрел на Батурина, и ему показалось, что тот догадался об его мыслях.

— Да, вы правы, пора раскрыть все карты, — произнес Шувалов, откидываясь на подушку. — Я вел переговоры с главами самых разных компаний, с очень богатыми людьми. У них есть дети, наследники их бизнесов и состояний. То есть наша будущая элита. Я предложил им, чтобы они отдали своих отпрысков на некоторое время для проведения нечто вроде семинара. Впрочем, называйте это, как хотите. Теперь вы догадываетесь, о чем я веду речь?

— Частично, — осторожно произнес Батурин. Он вдруг ощутил сильное волнение.

— После моих долгих уговоров они согласились, что их будущие наследники пройдут обучение на тему: что такое элита, в чем ее смысл, значение и задачи, как соответствовать высшему, а не формальному пониманию этого слова. В общем, я точно не знаю, как правильно это сформулировать. Надеюсь, вы меня поняли?

— Да, конечно, Андрей Павлович, но в чем моя роль?

— Как в чем? — удивился Шувалов. — Вы

будете этим педагогом, наставником, называйте себя, как вам больше нравится.

Батурин вдруг почувствовал что-то вроде шока. Ничего подобного услышать он не ожидал. К тому же завтра они должны все улететь из страны. Что он должен ответить Шувалову?

— Как вам мое предложение? — после паузы поинтересовался Шувалов.

— Очень неожиданное.

— Я понимаю. И все-таки, что вы мне скажите?

— Когда я должен приступить к работе?

— На следующей неделе. Почти вся организационная канитель завершена. Впрочем, об этом подробно расскажет вам мой помощник, тот, кто проводил вас ко мне.

— И все же мне не совсем понятно, что я должен делать?

— Не знаю. Ваша задача внушить этим отрокам правильное понимание, что такое элита. А как это сделать, вам решать. Хочу для справки вам сказать, я тут сделал некоторые подсчеты, а именно, какую сумму унаследуют эти молодые люди. Хотите знать?

— Да.

— Полтриллиона долларов.

У Батурина слегка закружилась голова.

— Вообще-то немного меньше, я тут

присовокупил их грядущие доходы за ближайшие десять лет. Но все равно сумма получается огромная. Эти люди уже скоро будут определять собой нашу бизнес-элику. А, следовательно, в их руках судьба страны. Теперь вы понимаете свою задачу.

— Мне кажется, она непомерно грандиозная.

— Я реалист и не жду от вас чуда, Вадим Владиславович. Сделайте, что сумеете. Но оставлять все как есть, просто нельзя. Кое-кого из этих детей я знаю лично; если сейчас не вмешаться в их воспитание, может случиться нечто печальное. Так вы согласны?

Батурин искал ответа, но не находил. Может, стоит поведать Шувалову, что они всей семьей собираются завтра покинуть Родину.

— А, понимаю, я же не сказал очень важную вещь — ваше вознаграждение. За вашу работу в независимости от ее результата я вам заплачу ровно один миллион долларов. Без налогов, сумма налогов будет уплачена отдельно.

Батурин почувствовал, что ему не хватает воздуха. Неужели он не ослышался.

— Вы сказали...

— Один миллион долларов, — повторил Шувалов. — Так вы согласны?

— Да, — услышал свой голос Батурин и только после этого осознал, что только что дал

согласие.

— Я знал, что вы согласитесь.

— Я обычно работаю с женой. Она тоже психолог.

— Это ваше дело, — пожал плечами Шувалов. — Ваше вознаграждение от этого не изменится. Если мы с вами обо всем договорились, то мой помощник урегулирует все формальности и расскажет обо всем подробно. А мне надо отдыхать. Я быстро утомляюсь. — Голос Шувалова впервые за весь разговор прозвучал грустно.

10

На обратном пути машина, в которой ехал Батулин, то и дело застревала в пробках, и ему хотелось выскочить из салона и побежать домой своими ногами. От охватившего его нетерпения Вадим ерзал на сиденье так сильно, что шофер спросил, не хочет ли он в туалет.

В туалет Батулин не хотел, он хотел как можно скорей оказаться дома, чтобы сообщить жене об этой фантастической новости. Он решил ей не звонить, ему будет не просто объяснить по телефону, что произошло.

Наконец, машина высадила его возле подъезда, минуя лифт, он помчался по лестнице.

Батулин ворвался в квартиру.

— Что случилось, Вадим, у тебя странный вид? — сразу же спросила Катя.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы отдышаться и начать говорить. Катя молча слушала мужа, потом тяжело опустилась на диван.

— Разве такое бывает? — спросила она, когда он замолчал.

— Я тоже был уверен, что не бывает, однако же случилось. Нам надо решить, что делать.

— Как что делать? — изумилась Катя. — Ты же подписал контракт.

— Да, подписал, но ты не забыла, что мы должны завтра улететь.

— Забыла, но что же нам делать? Теперь мы не должны лететь.

— Нам надо спокойно все обдумать, — произнес Батурин.

— Что именно?

— Пока я ехал в машине, я первую часть пути ни о чем не мог думать, у меня кружилась голова. Но затем я немного успокоился и стал размышлять.

— О чем же ты размышлял?

— Этот проект всего на месяц, а что дальше?

— У нас будут деньги.

— Надеюсь, что будут. Но деньги — это еще не все. Даже с ними мы останемся здесь изгоями. Велика вероятность, что нам не дадут здесь ничем серьезным заниматься.

— Что же ты предлагаешь?

— Мы, конечно, не полетим завтра. — Батурин посмотрел на часы. — Надо срочно звонить в посольство и аннулировать наши билеты. Но пока я не вижу причин вообще отказываться от наших намерений. С миллионом долларов в кармане нам в Новой Зеландии будет несравненно легче обосноваться. Я надеюсь, что мы сможем работать там по профессии. Поэтому давай скажем этим ребятам, что у нас переменялись обстоятельства, и мы не сможем вылететь в этот раз. Но мы не отказываемся от этого проекта и отправимся в их страну при первой возможности. Это позволит нам иметь запасной аэродром.

— Думаешь, целесообразно так поступить, — нерешительно протянула Катя. Ее лицо отразило сомнение. — Хорошо, делай, как знаешь.

У жены был откровенно огорченный вид.

— Ты надеялась, что мы останемся? — спросил Батурин.

— Когда ты сообщил про свои дела, то да.

— Еще ничего неизвестно, может, случиться по-всякому. Одно ясно, ровно через неделю мы переезжаем на месяц в другое место. — Он вдруг засмеялся. — Забавно, но наши многодневные сборы оказались не напрасными, нам теперь не надо готовиться к этому переезду. Зато нам придется думать о том, как построить наши

занятия. Честно говоря, я даже близко не представляю.

— Увы, я тоже, — вздохнула Катя. — Никогда не думала, что мне предстоит заниматься подобным делом. Неужели правда все вместе эти ребята унаследуют капитал в пятьсот миллиардов долларов?

— Это подсчеты Шувалова. Полагаю, он знает, о чем говорит.

— Представляю, что это за монстры!

— М-да, — задумчиво произнес Бакатин. — Мне и самому страшно. Но выхода у нас же нет.

— Нет, — подтвердила Катя.

— Тогда давай готовиться.

11

Машина проехала охраняемые ворота и оказалась внутри небольшого коттеджного поселка.

— Вот мы и приехали, — произнес Сергей Тенишев. — Здесь все и будет происходить, — со значительной интонацией добавил он.

Батурин посмотрел на него. Сергей Тенишев был тот самый человек, который встретил его в доме Шувалова и являлся его помощником. Именно ему миллиардер поручил вести все административные и финансовые дела, связанные с проектом по воспитанию элиты.

Они уже встречались несколько раз, и Батурин проникся к нему уважением. Помощник Шувалов обладал способностью быстро и оперативно решать все возникающие вопросы, был отменно вежлив и предупредителен, а, судя по отдельным репликам, образован и умен. В общем, Шувалов не напрасно остановился на его кандидатуре, хотя Батурин не имел понятия, как эти два человека нашли друг друга. Но произошло это явно не случайно, здесь действовала определенная закономерность. А Батурин свято верил в нее, более того, полагал, что не будь ее, мир бы вообще пребывал в полном хаосе.

— А тут очень мило, — оценила Катя увиденное.

Батурин мысленно согласился с ней, ему тоже здесь понравилось. Поселок состоял из полутора десятков одинаковых одноэтажных домов, простых, но приятных по своему внешнему виду. Между ними были проложены выложенные из плитки дорожки, немного в стороне располагался спортивный комплекс из нескольких площадок: для большого тенниса, волейбола и баскетбола. Еще одно здание отличалось от всех остальных, но его предназначение для Батурина было не совсем понятно. Но он решил не спешить с расспросами.

— Рад, что вам понравилось, Екатерина Валерьевна, — отозвался Тенишев. — А вот этот

дом предназначен специально для вашей семьи, — указал он на строение.

Только сейчас Батурин заметил, что один коттедж отличается от своих собратьев, он был немного побольше и его архитектура, хотя и была похожа на остальные дома, но все же имела некоторые отличительные черты.

— Хотите, заглянуть во внутрь? — предложил Тенишев.

— Разумеется, хотим, — тут же отозвалась Катя. — Нам же там жить целый месяц.

— Тогда идемте.

Батурин и Катя последовали за помощником Шувалова.

Дом был обставлен без роскоши, но со вкусом, к тому же был обеспечен всей необходимой бытовой техникой. Катя не скрывала своего восторга, особенно ей понравилась кухня.

— Это просто великолепно, — оценила она.

Тенишев улыбнулся.

— Я рад, что вам все понравилось. Признаться, я волновался, раньше у меня не было опыта обставлять мебелью коттеджи.

— Так, это ваша работа? — спросила Катя.

— Моя, — подтвердил Тенишев. — Андрей Павлович поручил мне всю организационную деятельность. Пришлось попотеть. За три месяца создать этот поселок. Здесь бы был недострой,

девелопер бросил его год назад. И с тех пор тут не велось никакого строительства. Зато царили грязь и запустение. Одного мусора вывезли почти на ста грузовиках.

— Шувалов специально приобрел этот поселок для нашего проекта? — изумленно поинтересовался Батуриин.

— Именно так, — подтвердил Тенишев. — Хотите посмотреть другие дома?

Все коттеджи для размещения будущей элиты были обставлены абсолютно одинаковы: тоже без роскоши, но со вкусом. Однако Батуриин подумал, что те, кто займут их в самое ближайшее время, могут остаться этим недовольны. Ведь они привыкли совсем к другой жизни и другой обстановке. Хотя, возможно, те, кто принял именно такое решение, сделали правильный ход. Посмотрим, так это или не так?

Они вернулись в свой дом и расположились в комнате у камина.

— Когда захотите перевозить сюда ваши вещи, позвоните мне, я пришлю машину и людей, — сказал Тенишев.

— Завтра же и переедем, — решила Катя. Батуриин не стал спорить и потому промолчал.

— Хотите отметить новоселье? — неожиданно предложил Тенишев.

— Но тут же ничего нет, — удивился Батуриин.

— Обижаете, Вадим Владиславович, — улыбнулся помощник Шувалова. Он встал, подошел к небольшому шкафчику, который оказался баром. Открыл дверцу, Батурин увидел выстроившиеся в ряд бутылки.

— Чего желаете выпить? — спросил Тенишев.

— Больше всего для новоселья подходит шампанское, — выбрал Батурин.

Тенишев ловко открыл бутылку, не пролив ни капли. Разлил шампанское по бокалам, которые он достал из стенки.

— Предлагаю выпить за успех проекта! — провозгласил тост Тенишев. — Насколько я знаю, а я специально интересовался этим вопросом, в мире ничего подобного никто и никогда не делал. Мы будем первыми.

Батурина немного удивило местоимение: «мы». До сих пор он полагал, что Тенишев всего лишь обеспечивает техническую и организационную сторону проекта. Может быть, он не совсем верно оценивает ситуацию. Мельком он взглянул на жену и по выражению ее лица понял, что и ее посетили схожие мысли.

— Вы полагаете, что от этого проекта будет польза? — спросил Батурин.

Тенишев вместо ответа осушил до дна рюмку с вином, только после этого взглянул на Батурина.

— По крайней мере, делать что-то же надо.

Мы много обсуждали этот вопрос с Андреем Павловичем. И пришли к выводу: надо попробовать. Любая утопия, если ее начать воплощать в жизнь, может стать реальностью.

— Значит, по-вашему, то, чем мы собираемся тут заниматься, все же утопия?

— Хотите еще глотнуть шампанского? — предложил Тенишев.

— Глотнуть шампанского всегда можно, но это не даст ответа на вопрос.

— Тогда сделаем и то и другое, — улыбнулся помощник Шувалова. Он снова разлил вино. — Я немного поясню ситуацию. До того, как прийти на работу к Андрею Павловичу я около десяти лет занимался бизнесом. Он был небольшим, но и не таким уж и маленьким. Я носился с идеей создать крупную и эффективную компанию. Но сколько я не бился, так ничего не удалось сделать. Это была борьба Давида и Голиафом. Я воочию увидел, что представляет собой наше государство, что за люди правят в нем бал. В какой-то момент я понял окончательно, что у меня ничего не выйдет из моей затеи. Мне не дадут ее осуществить. Этим господам глубоко наплевать на мое дело, на законы, на интересы страны, у них одна задача — набить свою кошелек. Может быть, у меня не хватило сил пробиться через эту стену, но, поверьте, я делал для этого очень много. Но однажды почувствовал, что у

меня вдруг пропало желание, а с ним и силы для дальнейшего пути. Когда ты тратишь свою энергию не на то, чтобы сделать компанию более эффективной, а на преодоление бесконечных искусственных препятствий, то все теряет смысл. Как раз в этот период я познакомился с Шуваловым, он несколько раз приглашал меня к себе домой, мы подолгу разговаривали. И когда я окончательно решил ликвидировать свой бизнес, то он не стал меня отговаривать, а пригласил работать у него. Он, в самом деле, замечательный человек, в какой-то степени идеалист, хотя, как он сам говорит, что почти всю жизнь провел в банке со скорпионами. Но он всегда понимал, что такая ситуация не может длиться вечно, когда-то ее следует начать как-то преобразовывать. И когда он познакомился с вашей книгой, то был сильно обрадован. Ему показалось, что она дает нам всем шанс. — Тенишев замолчал.

— А вы так не считаете? — спросил Батулин.

— Честно говоря, я смотрю на все скептически. Но почему бы не провести эксперимент. Это лучше, чем ничего не делать, а только наблюдать, как погибает страна. И вместе с ней — все мы. Никто не знает последствий наших действий. Они могут быть абсолютно неожиданными. Только ради этого и следует что-то делать. Это не моя мысль, а Шувалова, — пояснил

Тенишев. — Я с ней согласен, хотя...

— Вы слабо надеетесь на что-то позитивное, — произнес Батурин, не сводя глаз с Тенишева.

— Если честно, мне нелегко в это поверить, иногда мне кажется, что в этой тьме нет никакого просвета. Но я утешаю себя тем, что, как и любой смертный, могу ошибаться. Я верю в мудрость Андрея Павловича, у него огромный жизненный опыт плюс необычайно светлая голова. Только поэтому я и принял его предложение стать его помощником. Я уже собирался... — Он снова умолк.

— Что же вы намеревались сделать?

— Уехать из страны. Средства позволяют жить за границей вполне безбедно. Но меня остановило то, что мне стало интересно посмотреть, как все обернется. Андрей Павлович разрешил кое-что вам сообщить, но при условии, что это останется в тайне. Вы даете такое обещание?

— Даю, — подтвердил Батурин.

— А вы, Екатерина Валерьевна?

— Обещаю никому ни слова, — произнесла Катя.

— Отлично. Андрей Павлович надеется, что среди ваших подопечных вы найдете того, кто мог бы когда-нибудь стать президентом страны. Для этого Шувалов готов создать специальный фонд на

весьма крупную сумму для продвижения и поддержки этого кандидата, сколько бы времени этот процесс не занял бы. Он очень верит в то, что вы, Вадим Владиславович, укажите на такого человека.

Батурин почувствовал, что ошарашен словами Тенишева. Разве можно спрогнозировать возможный путь человека на такой большой срок. Да в здравом ли уме эти люди? Не напрасно ли он ввязался в этот проект?

Тенишев не сводил своего взгляда с лица Батурина, мысли которого отражались на нем, почти так же четко, как на письмена на листе бумаги...

— Я понимаю ваши сомнения, Вадим Владиславович, — проговорил, чуть заметно улыбаясь, помощник Шувалова. Мы с Андреем Павловичем неоднократно обсуждали в том числе и этот вопрос. И прекрасно осознаем все его изъяны. Но он пришел к выводу и я солидарен с ним, что нужно заранее, за много лет, по крайней мере, попытаться спрогнозировать его решение. Опыт показывает, что если его отдать на откуп исторической стихии, результат оказывается печальным. Когда мы подбирали кандидатов на участие в этой программе, то в том числе имели в виду и этот аспект. Довольно много, как любит говорить Андрей Павлович, отроков, мы

забраковали именно по этой причине; по нашему мнению, они никогда не смогут претендовать на эту должность.

— Вы, в самом деле, верите, что историческим процессом можно управлять? — с недоверием спросил Батурин.

— Разумеется, во всем мире именно так все и происходит. Разумеется, полной уверенности, что результат может быть именно такой, какой планируется, нет и быть не может. Невозможно учесть огромное количество различных случайностей. Но и совсем отказываться от такой возможности неправильно. Мир детерминирован, трудность лишь в том, чтобы попасть в эту зону, научиться понимать смысл закономерностей. Но чем больше стараешься это сделать, тем выше вероятность того, что сумеешь достичь поставленной цели. Если бы Андрей Павлович в это не верил, он бы не стал затевать этот проект. При всем своем идеализме он человек очень практический. Иначе бы не заработал свои миллиарды. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — кивнул головой Батурин, — но меня удивляет тот факт, что он сам ничего подобного мне не говорил.

— Мне это известно. Он сознательно не стал этого делать, так как опасался того, что вы можете не согласиться, испугаться такой постановки

вопроса. Видите, в какой-то степени так это и произошло.

— Но почему вы об этом сказали сейчас?

— Проект по сути дела уже запущен, и шансов на то, что вы от него откажитесь на данном этапе гораздо меньше. А Андрей Павлович серьезно болен, и он очень хочет его реализовать.

Батурин какое-то время размышлял.

— В таком случае объясните, как он это мыслит. Даже если мы найдем подходящую кандидатуру на должность будущего президента страны, то Шувалов, учитывая его преклонный возраст и состояние здоровья, вряд ли имеет шансов увидеть, как это реализуется в будущем.

— Он и это прекрасно понимает, но он желает заложить некую основу для продвижения этого человека. Как я уже сказал, он согласен выделить для этой цели специальный фонд с очень приличной суммой. У него будет свой распорядитель, которому он доверяет. А так же наметить некую программу действий. По его оценки речь идет примерно о двух десятилетиях. Может, немного больше. В любом случае не такой уж и большой срок. Он пролетит, как одно мгновение. Разве вам не будет интересно посмотреть, насколько реализуются ваше предвидение? Сотворить своими руками историю — это ли не достойное для вас занятие?

— Вы искушаете меня, словно дьявол Иисуса, — усмехнулся Батурин.

— Возможно, вы отчасти и правы, — в свою очередь усмехнулся и Тенишев. — Но разве это так важно. Вы же хотите, чтобы впервые за многое века в России появился нормальный лидер.

— Кто же этого не хочет.

— Тогда надо постараться. Есть очень большая вероятность, что сам по себе он не появится. Но Вадим Владиславович, помните и о другом, без нормальной элиты даже самый распрекрасный лидер бессилён. Ему особенно понадобятся соратники. Россию способна преобразовать только сплоченная команда единомышленников. Это, кстати, один из главных тезисов Андрея Павловича. Согласовано и единообразно действующие несколько человек победят тысячу, между которыми нет согласия. — Тенишев встал. — Мне кажется, у нас состоялся хороший разговор, а теперь пора возвращаться к Шувалову. Он с нетерпением ждет отчет о нашем общении.

— Могу я задать заключительный вопрос? — спросил Батурин.

— Конечно, задавайте.

— Если Шувалова однажды не станет, кто будет руководить процессом?

Тенишев некоторое время молчал.

— Вопрос пока открыт. Андрей Павлович понимает его важность и работает над ним. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Вполне.

— В таком случае обживайте новые владения. Совсем скоро тут будет многолюдно.

12

Вечером они собрались на кухне. Батурин разлил вино в бокалы.

— Выпьем за нашу новую жизнь, — провозгласил он тост. — Не представляю приблизительно даже, чем она завершится, но одно точно: завтра она начнется. Тенишев правильно заметил: ничего подобного в мире еще не происходило.

— Тебя это пугает? — спросила Катя.

— Если честно, то да. А тебя?

— Мне тоже страшновато, — призналась она. — Какие только варианты в последнее время я не прокручивала в голове, но ничего подобного даже отдаленно не приходило на ум.

— Да, ты права, — согласился Батурин, — это, в самом деле, выглядит невероятно. Элиту ни раз пытались воспитывать, создавали специальные учебные заведения. Подчас не бесполезно, но вот курсы для воспитания элиты еще никто не

додумался организовать. В последнее время я постоянно думаю, насколько целесообразна эта затея? И не могу найти ответа. Вроде бы безумно надеяться, что за такой короткий срок можно что-то внушить этим богатым отпрыскам. Но с другой стороны, а вдруг это реально. Но тогда возникает вопрос: а каков в таком случае метод? Ты, как психолог, можешь ответить?

— Как психолог, не очень, — вздохнула Катя. — К тому же мы смутно представляем, наших подопечных.

— Ты же читала их портреты. Надо отдать должное Тенищеву, он проделал большую работу, изучал этих ребят, о всех написал небольшой очерк. Это должно нам сильно помочь. Вот только у каждого получается сложный характер. Что не удивительно, имея такое положение в обществе. Ничто так не искажает психологию человека, как его статус, как большое богатство. Уверяю тебя, мы с этим столкнемся практически сразу. У них у всех искаженное сознание.

— Я понимаю это не хуже тебя, но ведь именно по этой причине Шувалов все и затеял. Разве не так?

— В общем, так, но нам от этого не легче. Если мы не изменим их восприятие мира, то потерпим поражение. А не хотелось бы. Для меня, возможно, это главная битва жизни, сколько бы

потом я еще не прожил. Но вряд ли будет что-нибудь еще подобное. Да и таких людей, как Шувалов, тоже вряд ли встретишь во второй раз. Тех, кто думает не только о себе, но и о мире, совсем немного. По большому счету это и есть подлинная элита. Ты согласна?

— Да, Вадим, он необыкновенный человек.

— В том-то и дело. Не хочется его разочаровывать. Он сильно болен, и неудача способна отрицательно сказаться на его здоровье.

Катя пристально посмотрела на мужа.

— Боишься за наш миллион?

— Как ни странно, не боюсь. Я уверен, что он не обманет, даже если к тому времени, когда настанет время платить, его уже не будет в живых. Или я совсем ничего не понимаю в людях. Хотя, признаюсь, мысль о такой огромной сумме согревает душу. Наконец, можно будет зажить нормально, приступить к новой работе. Я так много мечтал об этом. Нет ничего прекрасней независимости от людей и обстоятельств. Большинство наших бед проистекают по причине зависимости от чужой воли. В этом главная ценность денег. Очень многие, кто их имеет в большом количестве, этого не понимают.

— Поверь мне, мы сумеем, как нужно ими распорядиться, — улыбнулась Катя.

— В этом нисколько не сомневаюсь, — обнял

Батурин жену. — Пошли спать в последний раз в нашей спальне. Теперь мы в нее не скоро вернемся.

Борис Шувалов

Борис вошел в спальню отца, он был слегка пьян, так как только что приехал от друзей. Обычно он напивался в этой кампании прилично, но с тех пор, как Шувалов-старший заболел, старался не слишком расстраивать родителя, он знал, что тот сильно переживает, когда обнаруживает сына в таком состоянии. А сегодня для того, чтобы не нагружаться, была еще одна причина, — он должен был отправиться в какой-то исправительный лагерь.

Борис долго не мог понять смысл затеи отца, хотя тот несколько раз пытался ему объяснить со всеми подробностями свою идею. Но, во-первых, Борис слушал вполуха, а во-вторых, даже при всем своем желании никак не мог въехать в суть того, о чем тот говорил ему. Какое еще воспитание элиты, зачем и кому это нужно? У отца всегда были какие-то фантастические проекты, недаром многие смеялись над ними и называли его фантазером. Он, Борис неоднократно слышал, как люди с иронией говорили про эти затеи. Но, как ни странно, почти все они воплощались в жизнь. И часто приносили немалую пользу и много денег.

Борис гордился этим качеством отца, но при

этом предпочел бы, чтобы тот все же располагался поближе к реальности. Все друзья и подруги Бориса, а их было много, относились к Шувалову-старшему иронично, нередко называли белой вороной. И в самом деле, при его деньгах недвижимости зарубежной не имел, да и за границу ездил только по необходимости, преимущественно на переговоры, отдыхал в своем загородном доме в Подмоскovie, а не на фешенебельных курортах. И его, Бориса, туда не пускал. «Вот умру, тогда будешь ездить куда пожелаешь», как-то ответил он сыну на его упреки. Тогда его вдруг, словно кинжал, пронзила мысль: а ведь, когда батя умрет, он же станет наследником огромного состояния. Будет делать, что захочет. Денег хватит до конца жизни и еще с избытком останется.

Борис попытался прогнать эту мысль, но это было выше его сил, она слишком прочно засела в мозгу. И с тех пор не отпускала его надолго.

И все же он не желал смерти отцу, он по-своему любил его, хотя одновременно и боялся. Он даже отказался от женитьбы на девушке, в которую влюбился, из страха, что отец будет сильно недоволен этим поступком. Пришлось с ней разорвать. Правда, вскоре все бурные и сильные чувства к ней куда-то испарились, и он был рад, что не совершил опрометчивого поступка. Но психологическая зависимость от родителя

продолжала угнетать, Борис полагал, что лучше ошибаться, но делать то, что хочется, чем отказываться от своих желаний, даже если потом выясняется, что это идет на пользу.

Но пока он жив о таком стиле жизни не могло быть и речи. Шувалов-старший держал сына в ежовых рукавицах. Вот и сейчас вместо того, чтобы отправиться вместе с друзьями в Испанию, он вынужден будет провести каникулы в каком-то подмосковном захолустье, занимаясь непонятно чем.

А если восстать, сказать, что не желает отправляться непонятно куда и зачем. Его ждет море, солнце, страстные девушки со всего мира. В прошлом году он все же вырвался в те места. Гудешь был грандиозный, поставили все побережье на дыбы. До сих пор вся их кампания вспоминает о прошедшем веселье с огромным удовольствием. И вот теперь ребята отправляются без него.

Если бы не болезнь отца, он бы поехал с ними, даже, несмотря на его запрет. Плевать на него, что, в конце концов, ему он сделает. Но сейчас об этом даже думать нельзя, любое волнение для него может оказаться смертельным. Придется подчиниться.

Борис сел на стул рядом с кроватью Шувалова. Он внимательно посмотрел на отца. Они не виделись неделю, и он констатировал, что

Шувалов-старший выглядеть стал хуже. Щеки совсем стали впалыми, руки — более тонкими. И вставать с постели он стал реже; не хватает сил.

Борису стало тревожно. Нет, ни при каких обстоятельствах он не хочет его смерти. Да и как он будет руководить отцовской империей, он же так мало знает о таких вещах. До сих пор ему было это не интересно. Но если случится самое худшее, ему придется взять всю ответственность на себя. И что он станет в этом случае делать? Невольно по телу молодого человека промчался холодок.

— Ты помнишь, завтра едешь в лагерь, — проговорил Шувалов.

— Помню, папа, — ответил Борис.

— Вижу, не хочется.

— Не понимаю, смысл этой поездки.

— Ведь я тебе уже несколько раз объяснял. Ты меня не слушаешь?

— Слушаю. Но я не вижу смысла во всем этом. Какая элита, причем тут я.

— В том-то и дело, что ни причем, а должен быть причем. — Шувалов откинулся на подушку. — Ты наследник большого состояния, большой компании, на ней работают несколько десятков тысяч людей. Они сильно будут зависеть от того, как ты поведешь дело. Если плохо, они пострадают. Многие живут в небольших поселках, там нет другой работы. Были случаи, когда те, кто

ее теряли, кончали самоубийством.

— На твоих заводах? — изумился Борис. До сих пор он ничего про это не знал.

— Да, в начале моего бизнеса. Я был безжалостным, делал только то, что выгодно мне. После того, как повесился уволенный мною отец четверых детей, во мне что-то надломилось. Я вдруг осознал собственную жестокость, это стало отправной точкой моих размышлений о том, чем и как я занимаюсь. Как оно есть, а как должно бы быть.

— Ты хочешь сказать, что с того момента ни разу никого не уволил?

— Нет, конечно, увольнял много раз, иначе невозможно вести бизнес. Но каждый сотрудник получал все положенное по закону и еще сверх того. К тому же я старался делать это как можно реже, только тогда, когда поступить иначе было уже невозможно. И больше никто не совершил суицида. Но самое удивительное в другом, такое мое поведение, дополнительные расходы несколько не повредили моему бизнесу, наоборот, он стал развиваться еще успешней. Люди, которые работают в моих компаниях, чувствуют к себе бережное отношение и отвечают на него взаимностью.

Для чего это я тебе рассказываю? Борис, ты должен проникнуться ответственностью за свое

положение, тебе уже двадцать лет. Это по всем меркам большой возраст. У тебя же на уме одни развлечения. Ты абсолютно ни во что не хочешь вникать.

— Я хочу вникать, — промямлил Борис. Ему было все равно, какие слова произносить, хотелось лишь поскорее завершить этот неприятный разговор. Он никогда не любил говорить с отцом на подобные темы.

Шувалов грустно смотрел на сына, он понимал, насколько малорезультативна эта беседа. Одна надежда на Батурина, может, он что-то сумеет внушить Борису. Хотя каким образом не очень представляет.

Шувалов невольно вспомнил один раздел из книги Батурина, в котором он размышляет о механизмах формирования элиты. Скорей всего он прав, когда пишет, что это один из самых долгих и сложных процессов, что отбор и наполнение сутью происходит очень постепенно, от поколения к поколению. Да и то, если нет больших сбоев, иначе все приходится начинать снова. Иногда с отрицательной зоны. Но ни он, Шувалов, ни страна так долго ждать не могут, финиш настанет раньше, уж больно убоги те, кто вершат судьбами государства и экономикой.

— Пока ты хочешь совсем другого, — грустно произнес Шувалов. — Я знаю, ты в обиде на меня

за то, что я не разрешил тебе уехать с друзьями в Испанию. Но пойми, нельзя всегда и во всем потакать собственным желаниям, иногда очень полезно их обуздывать. Сначала это очень неприятно, но затем возникает большое удовлетворение от того, что это удалось сделать. Возможно, ты мне сейчас не веришь, но это потому, что ты еще ни разу этого не проделывал. Но это как раз то чувство, которое заставляет гордиться собой. Когда это случится, ты начнешь становиться другим. Так было со мной, так будет и с тобой.

Борис отвел глаза от отца. Может, он и прав, но его сейчас обуревают совсем иные желания. Он вспомнил о Марианне, через два дня она вместе со всеми улетит в Испанию, а он останется тут. И уж точно не станет там хранить ему верность, отдастся кому-нибудь из его друзей в первый же день.

Борис вдруг ощутил такую ненависть к отцу, что ему стало и неприятно и страшно. Нельзя испытывать такие чувства, тем более к больному человеку. Никогда он не выглядел так плохо.

— Я тоже надеюсь на то, что и со мной так случится, — решил подыграть отцу Борис.

Шувалов посмотрел на него. Он не верил словам сына, если он и на что-то надеется, то скорей совсем на другое.

— Хорошо, собирайся, завтра поедешь туда. Только помни, не исключено, что это твой

последний шанс.

Олег Подгузов

Олег Подгузов поднял свой вертолет над городом, сделал небольшой разворот и полетел в нужном направлении. Ничего ему не нравилось так сильно, как летать. Чувство полета превосходило все остальные чувства и ощущения, которые он успел пережить за свои двадцать четыре года. Но сейчас он едва ли не впервые ничего подобного не испытывал. Кроме злости у него не было других чувств. И все из-за отца. Их встречи в последнее время всегда завершались одинаково — ссорой. Они ни в чем не могли найти общий язык. Если бы не совместные дела, он бы вообще предпочел не встречаться с ним. Особых сыновних переживаний при виде его у него давно не возникало.

Олег знал, что отец терпит его только потому, что рано или поздно он унаследует его состояние и бизнес. Больше передавать все это богатство некому, младшая сестра этим абсолютно не интересуется, кроме мужиков и алкоголя ее в жизни ничего не волнует. Ее даже пробовали лечить, поместили в застенки дорогостоящей швейцарской лечебницы. Но она умудрилась сбежать оттуда через неделю. Других попыток избавить ее от этих пагубных пристрастий не предпринимали, а просто

махнули на нее рукой. Папаша выделил ей до конца жизни приличный пансион, после чего благополучно забыл о существовании неудавшейся дочери.

Олега сестра тоже не интересовала, у него вообще почти полностью атрофированы родственные связи. Ему нет до родственников никакого дела, его вполне хватает самого себя. Ведь ему так много надо.

Он вспомнил о том, как протекал весь последний год. Отец выделил ему капитал без всяких условий, Олег решил, что либо, как минимум, удвоит его, либо весь спустит. Чего жалеть чужие деньги. Пусть они и отцовские, но все равно не его. А вот то, что он заработает, будем принадлежать ему.

Подгузову очень нравилось играть на бирже; для тех, кто понимает, это гораздо более захватывающее занятие, чем игра в казино. Хотя в казино тоже безумно завлекательно. А еще он любил гонять по идеальным швейцарским дорогам на Феррари. На этом и погорел, попал в дорожно-транспортное происшествие, когда мчался по шоссе на скорости всего в каких-нибудь двести километров в час. Никто особенно не пострадал, не считая разбитой машины, но швейцарский суд признал его виновным и отправил на несколько месяцев в тюрьму. И хотя условия были там

комфортные, а услужливые адвокаты за баснословный гонорар скостили ему срок, пребывание за решеткой далось нелегко. Подобного опыта он повторить больше не желает, но и образ жизни менять тоже не хочет.

Значит, нужно делать выводы. Он должен оказаться в касте неприкасаемых, как его отец. Мало кто способен выдвинуть против него обвинения, хотя он, Олег, точно знает, что рыльце родителя еще в каком густом пушку. Если покопаться в его славной биографии, можно такое нарыть, что мало не покажется. Вот только кто осмелится. Деньги и связи делают его независимым от судебного преследования. Вот он и борзеет. Но при этом имеет наглость его учить, как жить. Все равно, что порочный священник — целомудрию.

Наглости и нахальства родителю не занимать. Впрочем, не будь этих качеств, не сотворил он бы свой бизнес, а с ним и свое богатство. Хотя, конечно, помогли нужные знакомства, связи. Однажды, напившись вдрызг, он приоткрыл сыну некоторые свои до сей поры тщательно оберегаемые секреты.

Олег потом не сомневался, что через какое-то время отец сильно сожалел о своих пьяных признаниях. Но дело было сделано. Впрочем, Олег не собирался распространять эти откровения дальше, ему вполне было достаточно того, что

отныне он может шантажировать папашу. И то, что тот выделил ему определенный капитал, было результатом его беспощадного нажима на него. Пусть знает, что можно ожидать от сыночка.

Но, как вскоре выяснилось, его зависимость от отца не исчезла. Он вдруг в ультимативной форме заставил его лететь на этот семинар или как он там к чертовой матери называется. Олег пытался спорить, намекал на разные там возможные разоблачения, но к его удивлению ничего не помогло. Тот упорно стоял на своем. Это было странно и непонятно.

В конце концов, они договорились, что отец в награду за его послушание выделяет ему дополнительно некоторую сумму, не слишком большую, но достаточную, чтобы неплохо поиграть на бирже. А у него, как раз кончились деньги, даже заправлять вертолет горючим иногда было не на что. Что за жизнь, злился Олег, он сын одного из самых богатых людей планеты, а у него не хватает средств даже на мелкие расходы. Кому сказать, не поверят, вот он и молчал.

Подгузов сделал разворот на вертолете, он уже кружил над нужным местом. Надо признаться, тут красиво: лес, протекает извилистая речка, сверху домики кажутся привлекательными. Вот только до конца так и не понял, зачем он прилетел сюда. Отец твердил о какой-то элите, но Олегу

показалось, что предок сам не слишком ясно представляет, о чем идет речь. Он не стал его спрашивать, но почти уверен, что эта затея Шувалова. Этот старикан имеет над его папашей какую-то таинственную власть. В секрет, в чем она заключается, он проникнуть так и не смог. Но всякий раз, когда Шувалов появлялся в их доме, отец бросал все дела и занимался только гостем.

К счастью, заезжал он к ним нечасто, иначе однажды он, Олег, выставил бы его вон. Этот человек вызывал в нем непонятную ярость. И к сыну Шувалова он относился хотя не так остро, но, по сути, столь же негативно. Хотя Борис совсем другой — тюфяк, совершенно ни на что не способен. Странная порода, вроде бы отец и сын — близкие люди, а общего ничего.

Вертолет Подгузова спланировал на землю. Полет продолжался всего двадцать минут. Олег вышел из машины и немного удивился — никто не бежал его встречать, вокруг вообще не было никого. Туда ли он попал?

Абрам Фридман

Лошадь не слушалась его, и Абрам нервничал. Он совсем недавно стал учиться верховой езде. Сначала ужасно боялся животных, но постепенно преодолевал свой страх, и в какой-то момент

почувствовал, что может стать вполне сносным наездником. Это наполняло его гордостью; еще недавно он и представить даже в мечтах не мог, что освоит такой великолепный вид спорта. Он всегда был неуклюжим, неказистым толстячком, за что его дразнили и в школе и в университете. Вот он и решил заняться таким необычным для себя делом. Пусть все видят, как гордо он гарцует в седле. То, что у него первый разряд по шахматам, это мало кого интересовало. А если он кому-то об этом говорил, то нередко реакция была очень похожей: чего тут удивляться, он же еврей.

Вот Абрам и решил заняться не еврейским видом спорта. И был рад, что у него стало что-то получаться. Еще совсем недавно он всем телом и душой чувствовал, что конь под ним плохо слушается его, упрямо, словно бы его кто-то подговорил, не желает подчиняться указаниям седока. но с какого-то момента молодой человек подчинил себе лошадь, которая послушно выполняла все его указания.

Но сегодня с самого начала что-то у них не заладилось, Критический момент еще не наступил, но у молодого человека хватало опыта, чтобы понять: все может случиться в любую секунду.

Абрам попытался перевести лошадь на шаг, но вместо этого она ускорила бег. Он прижал ноги к ее бокам, низко склонился к холке; ему казалось,

что такая поза придает дополнительную устойчивость его телу. Но это дало обратный эффект, непослушное животное окончательно вырвалось из плена его власти — и, набирая темп, помчалась вперед.

Абраму было очень страшно, он даже не смотрел вперед, куда они скачут, он лишь замечал мелькание окружающих его деревьев, голубого неба и чего-то еще, что он не мог и даже не пытался идентифицировать. Он уже попрощался с жизнью, оставалось лишь ждать, когда придет ей конец.

Сколько продолжалось все это во времени, он не представлял, но внезапно вдруг ощутил, что гонка завершена. Он осмелился слегка выпрямиться на седле, и оглядеться вокруг. Он находился возле небольшой речки, его лошадь спокойно пила воду.

Абрам перевел дыхание, опасность миновала, он остался жив. Он осторожно натянул поводья, лошадь послушалась его и медленно пошла по тропинке.

Через полчаса Абрам вошел в дом, попросил у служанки чаю. Ему всегда хотелось пить именно чай после пережитых стрессовых ситуаций. Она хорошо знала вкусы своего хозяина, и без расспросов подала то, чего он желал.

С чашкой чая молодой человек вошел в кабинет своего отца. Моисей Соломонович отправлял сообщения по электронной почте. Абрам

знал: пока он не завершит свою работу, то даже не посмотрит на сына. Поэтому он пил напиток и ждал, когда можно будет начать их разговор.

— Как покатался на лошади? — услышал он вопрос отца. Значит, работа завершена, сделал Абрам простой вывод.

— Не очень, в какой-то момент лошадь понесла.

— И ты перетрухнул, — констатировал Моисей Соломонович.

— Было дело, — признался Абрам.

— Плохо, — вздохнул отец. — Тебе нужно быть храбреей. Все же ты праправнук солдата армии Николая Первого.

Эту историю Абрам слышал десятки раз, про прапрапрадеда кантониста, которого призвали в армию, который служил в ней чуть ли не четверть века, участвовал в войнах. За это после демобилизации ему позволили поселиться вне зоны оседлости. Он завел мясную лавку, стал зажиточным, родил десять детей. Некоторые из них получили даже высшее образование, что в то время и для русских было редкостью. А уж что говорить про евреев. В частности, его прабабка закончила консерваторию и стала пианисткой.

— Я понимаю, папа, но не всегда получается. Я не создан ни для армии, ни для войны.

— Я тоже не создан, но мужество требуется в

любом деле. А уж в нашем оно должно литься просто через край.

Фридман старший был владельцем банка, который входил в список двадцати пяти крупнейших кредитных организаций страны. И Абрам знал, что он этим невероятно гордится. Ведь когда двадцать пять лет назад отец его основал, то он помещался в нескольких комнатах, было всего два десятка сотрудников. А сейчас их свыше трех тысяч во многих городах страны и даже действуют два филиала за рубежом.

— Я осваиваю банковское дело, — сказал Абрам.

— И у тебя хорошо получается. Ты схватываешь все на лету. Когда закончишь университет, то сможешь возглавить один из департаментов. Но ты знаешь, чем я недоволен. Мы говорили на эту тему.

— Знаю, — кисло подтвердил Абрам.

— Ты боишься брать на себя ответственность. Так дело не пойдет. Ты должен перебороть себя, быть смелей, но, одновременно не теряя осторожность и предусмотрительность.

— Да. — Абрам прекрасно сознавал, насколько прав отец. Но пока он никак не мог перебороть себя, как требовал отец. Едва ли не по любому вопросу он советовался с ним. А ведь когда-нибудь он займет его место, станет

Председателем правления, будет определять стратегию и тактику огромного бизнеса. Конечно, ему всего двадцать один год, но время летит стремительно. Еще недавно он только поступал в университет, а осенью начнется последний год учебы. А затем — самостоятельная жизнь.

— Абрам, я твой отец, а ты мой единственный ребенок. И я буду помогать тебе, но это вовсе не означает, что я стану за тебя делать твою работу и принимать за тебя решения. Мы, евреи, славимся в мире своей изобретательностью и предприимчивостью. Ты помнишь об этом?

— Как можно забыть, ты мне об этом все время напоминаешь.

— Да, напоминаю, потому что этими качествами важно обладать. А вот у тебя они в дефиците. Ты медленно раскачиваешься, медленно входишь во взрослую жизнь. А времени на это совсем мало. Ты понимаешь это?

— Да, папа, но я стараюсь.

— От старания не всегда есть толк, — вздохнул отец. — Поэтому я принял решение, а ты готовься к нему: со следующего года ты войдешь в Правление банка. Уровень твоей ответственности вырастет на порядок. Ты это осознаешь?

— Осознаю.

Отец покачал головой.

— Тебе придется столкнуться со многими